

Минна Балшинская

Детектив
сильных
страстей

Браслет
с Буддой

Дикие лебеди

Инна Бачинская
Браслет с Буддой

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Браслет с Буддой / И. Ю. Бачинская — «Эксмо», 2018 — (Дикие лебеди)

ISBN 978-5-04-093966-4

Капитан Николай Астахов был в ярости – неужели в их городе появился серийный убийца? Ночью в затон возле порта на полном ходу сорвалась очень дорогая машина, на пассажирском сиденье которой обнаружили тело молодой женщины. Ее запястье украшал браслет из поделочных камней с брелоком в виде фигурки Будды. Такие же браслеты были найдены на руках еще двух недавно убитых женщин. На первый взгляд жертв больше ничего не связывало...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093966-4

© Бачинская И. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Инна Юрьевна Бачинская

Браслет с Буддой

© Бачинская И.Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...
Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...*

Саша Черный. «Все в штанах, скроённых одинаково...»

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...Женщина стояла у окна и смотрела на темную улицу. За окном была ночь. На углу горел слабый выморочный фонарь, улица выглядела жалкой и нечистой. Моросил безысходный дождь, даже отсюда чувствовалось, какой он скользкий и холодный; в душе поднималась тоска...

Она поежилась, запахнула халат потуже. Поздно, пора спать, может, удастся уснуть. Но тут услышала шум мотора и невольно отступила вглубь. Ей было видно, как длинный темный автомобиль, замедляя ход, остановился наискось от дома. Погасли фары, воцарилась тишина. Ничего не происходило. На темной улице стоял почти неразличимый автомобиль с погашенными фарами. Внутри был человек, который почему-то не выходил... Ждал кого-то? Раздумывал, как поступить? Может, там было двое, и им нужно было поговорить без свидетелей?

Дверца внезапно открылась, и она увидела, что из машины выбрался мужчина. На долгую минуту он застыл, словно прислушивался. Потом оглянулся, открыл заднюю дверцу и нырнул внутрь. Ей было видно, как он там возится. Почему он не включил свет? Мужчина вытащил что-то из машины, и она едва сдержала крик: это было тело человека, безвольное, неподвижное. Мужчина держал его на руках, и наблюдавшей из окна женщине были видны свесившиеся руки и торчащие колени из-под задравшейся юбки. Она подалась вперед, присматриваясь. Всхлипнула от ужаса – это была женщина! Он держал на руках женщину!

Снова оглянувшись, мужчина обошел машину и ступил на тротуар. Пройдя несколько шагов, нагнулся и положил женщину на мокрую тротуарную плитку. Немного постоял неподвижно и вернулся к машине. Скользнул взглядом по темным окнам, и она, едва не вскрикнув, снова отпрянула в глубь комнаты – ей показалось, что он ее заметил. Она услышала, как хлопнула дверца машины. Включились фары – свет мазнул по спящим домам, заработал двигатель, и машина тронулась с места; спустя минуту красные огни исчезли за углом.

В слабом свете фонаря едва угадывалось тело на тротуаре – неразличимая груда, белые, безвольно разбросанные руки, безвольно разбросанные колени. Женщина все еще стояла у окна, повторяя, что так не бывает, что ей показалось, что это галлюцинация; она снова наклонилась вперед, пыталась рассмотреть тело на тротуаре, надеясь, что оно чудесным образом растворится и исчезнет. Или женщина поднимется и... Может, нетрезвая, выпила лишнего... Из ночных бабочек, а мужчина, случайный знакомый, не пожелал с ней возиться, привез и выбросил, нравы сейчас жестокие... Вот сейчас, сию минуту, она поднимется и уйдет! Но тело женщины, пугающе неподвижное, все еще было там. И она поняла, что случилось непоправимое и женщина уже никогда не поднимется и не уйдет. Никогда.

Подвывая от ужаса, она метнулась в глубь комнаты, чувствуя, как подкашиваются ноги – еще минута, и она упадет, – схватила со стола мобильный телефон и дрожащими пальцами набрала номер...

Глава 1 На распутье

*Ликует буйный Рим...
торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь —
безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят
его колена...*

М. Ю. Лермонтов. «Умиравший гладиатор»

– Пора закрывать лавочку, – сказал частный детектив Александр Шибаетов своему другу и сожителю адвокату по бракоразводным делам Алику Дрючину. – Хорош глупостями заниматься. Все. Мелочовка задолбала: отравленные коты, супружеские измены, замочные скважины... Соглядатай, тьфу!

– Ты серьезно? – Алик оторвался от документа, который внимательно читал. – И куда надумал? В таксисты?

– В охрану. Центральный банк ищет начальника охраны, приличная зарплата, командировки... Хоть на месте не сидеть.

– Неужели Жанна подсуежилась? – догадался Алик. – Неужели опять на те же грабли?¹

– При чем здесь грабли? Она позвонила и предложила, говорит, может посодержать...
вать...

– А муж? Опять разбежались? И она вспомнила о тебе?

– Не спрашивал. Тебе не все равно?

Тон у Шибаетова был ленивый, словно ему было скучно пререкаться с Аликом, и тот, крупный специалист по интонации и языку жестов, понял, что ничего еще не решено и заявление Шибаетова – не что иное, как пробный шар: давай, скажи что-нибудь! Докажи, что я не прав, или, наоборот, убеди, что прав. Потому что я не уверен и сомневаюсь. На Алика он не смотрел, а смотрел в окно, демонстрируя, что ему чихать на мнение компаньона, но брови при этом были сведены, а рука почесывала нос, что является первым признаком вранья и неуверенности. И это было еще одним доказательством топтания на распутье.

– Мне, конечно, все равно, так как я считаю, что всякий индивидуум – хозяин своей судьбы, – начал Алик дипломатично. Он даже пожал плечами, подчеркивая, насколько ему все равно. – Но на твоём месте я бы не стал связываться с этой... э-э-э... – он запнулся в поисках нейтрального определения, – истеричкой! – Дальше понеслось по накатанной. Алик повторил то, что говорил уже тысячу раз, Шибаетов соответственно в тысячный раз это слышал. – То она бросает мужа и морочит тебе голову, то у них опять любовь и она тебе пинка, а теперь опять? Осталась одна, оглянулась, годы идут, часики тикают, гормонов не хватает, ну-ка, подать сюда безотказного Шибаетова! Неужели ты не понимаешь, что ей надо?

– Речь идет всего лишь о работе. – Шибаетов произносит это сквозь зубы, а сам безразлично смотрит в окно. По-прежнему делает вид, что мнение Алика ему никак, но уши шевелятся – слушает.

---

¹ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Ритуал прощения врага» и «Знак с той стороны».

– Ты уверен? – иронически поднимает бровь Алик. – Ты не понимаешь, что будешь ей должен? Я бы сначала узнал про мужа, вместе они или разбежались. Она же сама не знает, чего хочет. А ты, ты уверен, что хочешь быть охранником? Ты же сыскарь! Ищейка! Ладно, допустим, ты согласен! – Алик поднимает руки вверх, словно сдается. – Пусть начальник охраны. Начальником охраны тоже кому-то надо быть. Тебя взяли, познакомили с коллективом, выдали должностную инструкцию, ты начал обживаться, и тут она приглашает тебя на ужин, к себе домой, под предлогом отметить новый жизненный этап, и ты идешь, понимая, что надо платить. Берешь дежурный мачо-набор – шампанское, конфеты, цветы – и идешь. Знаешь, что будет дальше? – Алик снова иронически поднимает бровь, делает паузу. Шibaев молчит, не требует заткнуться и не молотье ерунды. Продолжает слушать. – Я тебе скажу, что будет дальше. Она попытается тебя соблазнить, создаст интим, погасит свет, наденет прозрачный пеньюар, включит музыку. И ты, конечно, поведешься, как всякий нормальный мужик, у которого три месяца не было секса. После всех ее выбрыков – снова поведешься. А дальше что? Я тебя спрашиваю, что дальше? Опять метания между тобой и мужем, выкручивание рук и ломание хребта? Опять нервы, психи, вопли истеричной кошки и...

– Не надоело? – угрюмо перебил Шibaев. – Почему три месяца?

– А сколько?

– Пошел ты!

– Ты же сам понимаешь, что это не для тебя! – Алик повысил голос. – И работа, и она. Особенно она. Эта страница твоей жизни перевернута, а умные люди говорят, что никогда не нужно возвращаться, возвращаются только неудачники...

– А я кто, по-твоему? Удачник?

– Ты между мирами.

– Где?

– Между мирами провалился. Планида у тебя такая. И теперь у тебя три пути. Первый – принять то, что не можешь изменить, утереться и шагать дальше. Второй – попытаться вырваться и сбежать, не суть куда. Можно в охрану. Главное – сбежать.

– А третий?

– Повеситься.

– Значит, уходим в охрану.

– Неправильный ответ. Внутри у каждого из нас стержень. Твой стержень – сыск – ломать не надо. Художник не может петь в опере, там нужны другие параметры. Возьми меня, например. Иногда так достанет... – он махнул рукой. – Все, думаю, ухожу!

– Интересно, куда?

– К чертовой матери! В детский сад воспитателем. Или дворником. Неважно, куда. Главное – соскочить. В омут с головой. Охрана – тот же омут. Можно переступить и утереться, а можно назло всем, и себе тоже, – в омут. Ты представляешь себя охранником? Наденешь желтый комбинезон с надписью на спине и на груди «Вооружен и очень опасен», кепку... или что там у них? Берет с пером?

– Почему желтый?

– Ну, синий. Неважно. Или розовый. Главное – комбинезон. Раз-два, левой! Строем. Под козырек! Сейчас ты на вольных хлебах, что хочешь, то и ворочу. Хочу – сплю до обеда, хочу – пью до утра. Ну, так и дуй вперед, не топчись на месте, и главное – не возвращайся и не распускай соплю. Поезд ушел, страница перевернута, забудь. Все проходит, пройдет и это. Знаешь, кто сказал?

– Сам придумал?

– Мудрец сказал. Ну, вышибли тебя, так получилось, встань и ползи вперед, жизнь продолжается и...

– Давай еще про свет в конце туннеля, – буркнул Шibaев. – И без тебя тошно.

Алик открыл рот и... промолчал. Уж очень расстроенная физиономия была у друга. Ничего, подумал он, самое главное он, Алик, обозначил, теперь пусть думает сам, своей головой. Чертова Жанна нарисовалась, как всегда, некстати. Вот же вредная баба! Ну, было, встречались, былшем поросло. Бегала от мужа к Шибаеву и обратно, мельтешила – туда-сюда, туда-сюда! Ему, Алику, она никогда не нравилась. Капризная, самовлюбленная, характерец – о-го-го! Норов! Все должно быть, как она сказала, или никак, шаг в сторону – побег, из всех орудий – пли! Короче, сиди тихо и не отвечивай. Ладно, разбежались, зализали раны, поставили точку. Все! Ан нет, опять на те же грабли. У Шибаева чувство обгаженности из-за того, что вышибли из полиции, можно понять. Никак не проходит, однолюб чертов! Родная гавань – и хоть трава не расти! Сколько оперов соскочили в охрану или в телохранители, живут припеваючи, так нет же! Карьера, видите ли, накрылась медным тазом. Причем вышибли по нелепейшему обвинению в коррупции. Ши-Бон, конечно, лопухнулся. Какой-то лавочник сунул конверт, в чем-то там он был замешан, а Шибаев не среагировал сразу, а потом уже было поздно – поднялся визг, тот барыга его же и обвинил. Вышибли по состоянию здоровья – зачли старые заслуги и чтобы не ставить пятна на репутацию заведения. И на том спасибо.

Разумеется, не обошлось без бэ супруги Веры. В смысле, бывшей. Куда же без них! Не одна, так другая. Шибаев – парень видный, так и липнут, но при этом норовят согнуть. Ушла к какому-то мелкому предпринимателю, не выдержала ночных дежурств с облавами и хронического финансового тупика. Теперь счастлива, хотя еще с год примерно бегала к бэ мужу под предлогом стготовить котлеты или прибраться, а на самом деле убедиться, как ему без такого сокровища хреново и невыносимо. Проявляла заботу. Вся из себя, в белом костюмчике, увешанная золотыми колотушками... Ну скажите на милость, что за жлобское пристрастие к килограммовым цацкам? Причем гарнитурам, чтоб на всех частях тела все одинаковое. Какое-то скудоумие и ноль фантазии. Он, Алик, ее не то чтобы боялся, но опасался. Хотя, чего уж там греха таить, изрядно побаивался. Она же его терпеть не могла, ревновала, гадости измышляла, обзывала бледной немочью и кое-чем похуже. Да что с ними такое? Никакого чувства реальности! Как-то нашла губную помаду... Крику было! Что Шибаев себя губит, путается с кем попало, опустился до падших женщин, ей соседка Алина донесла, та, что имела на Ши-Бона виды, да не срослось. Якобы переживает за него, дурного и несмышленного, за отца своего сына, а как же! Чисто по-человечески. Помада, кстати, была Аликова. Не его, конечно, а барышни, которую он пригласил на романтический ужин, попросив Шибаева сходить в кино.

Достала, в общем. И бегала, пока Шибаев не сменил замки и не сказал «шиш тебе», когда она потребовала ключи. Умерла так умерла. Между прочим, замок Шибаев сменил с его подачи, прислушался. Тоже толкала его в охрану... Да что ж им всем так неймется затолкать его в охрану! А Ши-Бон послал, говорит: сдохну раньше, он один из лучших оперов... был. Стажировка в Штатах, карьера, успех. Как в той песне: все было, все было, было, да прошло. Алик убежден, что есть индивидуумы, которым лучше не пытаться. Не получится у них ни взятки нормально брать, ни с бизнесом, ни в политике, потому что прямые, как рельса – ни гибкости, ни дипломатии, ни подлости. И честные! Да-да, не смейтесь. Собаки-ищейки, в хорошем смысле. Бежать по следу и вынюхивать – больше ничего не умеют. Так и Ши-Бон! Бежать по следу, соображать насчет мотива и вынюхивать. Тут ему нет равных, тут он даже Алику с его воображением дает фору.

А дело было так. Эта... бывшая Вера попросила Шибаева купить ребенку компьютер, намекнув, что новый муж и сам в состоянии, но есть же живой отец, и мальчику приятно. Ши-Бон и завис, так как с финансами не шибко. А тут конверт суют... Да не взял бы Ши-Бон никогда этих денег! Сначала не врубился, потом уже поздно было. Дурацкая история. И, как везде, шерше прекрасный пол. Правда, Веру прекрасным полом можно назвать с большой натяжкой, что еще обиднее – пропадать, так с музыкой.

Короче, помог он Шибаеву с лицензией частного детектива, пустил в свой офис. Друзья познаются в беде потому что.

Друзья... Да не дружили они никогда! Учились в одном классе, было, да, а вот дружбы не было. Какая там дружба! Бледный задохлик Алик Дрючин и любимец школы здоровенный лоб Ши-Бон. Кликуха у него была такая – Ши-Бон, а еще Китаец, что ни в какие ворота, так как физиономия у Шибаева вполне славянская. Чемпион по бегу, плаванию, гребле, футболу... Китаец Ши-Бон! Как звучит, а? Девчонки визжали при виде Ши-Бона, а на него, Алика, ноль внимания, разве что списать попросят. Ши-Бон и понятия не имел, что существует на свете такое недоразумение, как Алик Дрючин. Одно погоняло чего стоит. Как-то уже в университете Алик всерьез задумался, чтобы сменить фамилию, долго выбирал, да так и не выбрал ничего путного. Не знал, на чем остановиться. То ли на чем-нибудь с историческими аллюзиями – Македонский, например, то ли из области права и философии... Аристотелев или Правдин... Черт, прямо горе от ума. Нет чтобы взять что-нибудь нормальное, человеческое... Русланов! Так и чудится что-то посконно-былинное. Адвокат по бракоразводным делам Алик Русланов. Нет, слишком манерно. А с другой стороны, Дрючин – редчайшая фамилия. Много вы знаете Дрючиных? Не знаете вовсе, потому что людей с фамилией Дрючин раз-два и обчелся. Носили ее Аликовы предки с деда-прадеда, нормальные люди... Может, хорош выпендриваться?

Они столкнулись совершенно случайно в каком-то шалмане – Алик забежал перекусить, торопился в суд, а Шибаев пил водку, переживал душевную травму, и вид у него был не ахти. Алик, повинувшись импульсу, подсел к нему; Шибаев поднял затуманенный взгляд, спросил: «Ты кто?»

Не иначе насмешница-судьба столкнула их лбами и изменила жизнь обоих. А теперь смотрит откуда-то сверху и хихикает. Такие разные, крючоктвор и треплю Алик Дрючин, книголюб, философ, психолог и поэт – да-да, сочиняет стихи и все шекспировские сонеты наизусть читает, от зубов отскакивают, знаток классической музыки, трепетно бегущий на зов любви – в смысле, влюбляется без продыху и сразу женится, и все четыре раза облом – с одной стороны, а с другой – жесткий, немногословный, упертый и драчливый Ши-Бон, бывший мент, прямой, как рельса, которому тоже не везет с женщинами. Такие как Шибаев ломаются, потому что пропал смысл. Такие как Алик гнутся, но не ломаются – если пропал смысл, начинают искать другой. Мужу нужна работа. Занятие. Понимая это, Алик схватил слабыми руками здорового Ши-Бона и потащил. Напоминая крошечного муравья, тянущего стрекозу. И испытывая при этом чувство глубокого морального удовлетворения: он, незаметный Алик Дрючин, – путеводная звезда легендарного Ши-Бона!

Так они и жили. Вытаскивая Шибаева из депрессии и тоски, Алик оставался ночевать в его двушке, жарил картошку, накрывал на стол, вел душевноразговорные беседы. В итоге Шибаев бросил пить... Он и сам уже собирался, понимая, что это тупик, а тут Алик подвернулся и стал капать на мозги. Алик перенес к Шибаеву свою пижаму и купил новые тапочки с помпонами – себе с красными, Шибаеву с зелеными. Тот сразу свои оторвал, не оценив красоты. А еще Алик притащил парфюм, к которому питал слабость. Всякие лосьоны, пенки, одеколоны и кремы. Шибаев начинал чихать, когда Алик выходил из ванной свежий, как утренняя заря...

Со временем устоялся их быт, была произведена уборка территории и куплен новый диван в гостиную, где квартировал Алик. Тот еще крючоктвор, он повесил на пищеблоке, в смысле, на кухне, графики уборки и готовки и требовал неукоснительного их выполнения. Шибаев фыркал, но подчинялся, называя сожителя занудой и кишкомотателем. Алик был справедлив, но строг. У них действовал, например, морской закон: кто готовит пищу, тот не моет посуду, хотя никаких моряков не водилось в роду ни у того, ни у другого. Их вечерние трапезы были той роскошью общения, о которой когда-то красиво сказал один замечательный человек. Алик докладывал о бракоразводных процессах, Шибаев – о клиентах. Он втянулся в работу частного детектива, хотя считал ее мелочовкой, не стоящей внимания. Иногда подво-

рачивались, правда, интересные дела, и тогда у него распрямлялись плечи и вырастали крылья. Втянуться-то он втянулся, но иногда чувство бессмысленности и бесполезности бытия накрывало его с головой... И тогда – хоть в петлю. Это был звездный час Алика! Он устраивал Шибаету сеансы психотерапии, рот у него не закрывался, он говорил, говорил, говорил... Главное – не останавливаться. Примеры из истории, литературы, собственной биографии, а также биографии соседей и знакомых. Всякие истории из области житейской мудрости, призванные внушать оптимизм и веру в себя. Стихи. И так далее. До полного выноса мозга. Шибаету, чтобы заткнуть этот фонтан, приходилось немедленно выходить из депрессивного состояния и жить дальше.

А когда Шибаету вваливался в дом после драки, окровавленный, но с чувством глубокого морального удовлетворения – бывало и такое, – Алик в полнейшем восторге ухаживал за ним, как самая нежная нянька. Сам же он никогда не дрался, и не били его по причине хилости и слабости, но шибаетовские драки вызывали у него живейший интерес. Алик умывал друга, чистил, отпаивал водкой, выспрашивал, что да как, и давал советы согласно своему разумению. Алик любил давать советы. Вся его правовая деятельность заключалась в том, чтобы давать советы. Правда, Шибаету его советов не спрашивает и вообще в гробу видал. Но, как известно, если постоянно капать на мозги, то след остается.

– Снимешь вывеску с двери, – сказал Шибаету. – Освобождаю помещение.

– Твердо решил?

Шибаету набычился и промолчал. Значит, ничего пока не решил, выжидает, пробует на вкус. Хоть бы подвернулось стоящее дело, убийство... Неплохо бы. Но, как назло, ничего. Зеро. Самому подсуетиться разве что? Не в смысле убить кого-нибудь, а просмотреть городские криминальные хроники и выяснить у их общего знакомого, крутого опера капитана Астахова, насчет дохлого «глухаря», который не жалко отдать в руки конкурирующей детективной конторы. Или привлечь Лешу Добродеева, борзописца из «Вечерней лошади», знатока и собирателя местного жареного фольклора, понимай, сплетен: а вдруг у него в записке жемчужное зерно? Какое-нибудь недоказанное убийство, замаскированное под несчастный случай, закрытое подозрительное дело, безутешные родные, несогласные с официальной версией... В таком духе. В полицию – бесполезно, а к частному детективу – самое то. Ему бы только стащить Шибаету с мертвой точки. И оттащить от этой вамп... Жанны. А там посмотрим.

Алик вдруг ахнул. Женщина-вамп и вампирша! Одно и то же. Обе пьют кровь. А ведь он давно подозревал, что вамп на самом деле вампирша!

И тут в дверь постучали...

Глава 2

Мститель

*Как бы ни был хорош ваш план, все равно он в корне неправилен.
Законы Мерфи для армии*

Мужчина достал из почтового ящика пару писем. Поднялся к себе, сбросил плащ, уселся за письменный стол, держа письма в руке. Одно было им ожидаемо, другое, без обратного адреса, смотрелось случайным и, пожалуй, угрожающим. Он был суеверен и не любил непредсказуемости. Он начал с ожидаемого. Читал, поглядывая на лежащее рядом случайное. Прочитал, отложил в сторону. Потянулся за тем...

Он держал в руке длинный белый конверт, самый обычный канцелярский конверт... Потом ему казалось, что он почувствовал укол предчувствия – в сердце впиалась маленькая острая колючка. Он медлил, рассматривая конверт. Затем поддел костяным ножичком клапан, с силой провел вдоль, поморщившись от неприятного звука рвущейся бумаги.

Вытащил листок, сложенный вдвое. Развернул. Там было всего-навсего четыре строчки:

*«Вас видели на углу Чешской и Ильинской 26 марта с. г.
Я готов молчать. Не даром.
100 000 зеленых. Мусорный контейнер во дворе Сиверская, б.
20 мая 24.00».*

Мужчина настороженно взглянул на дверь, перевел взгляд на окно, спрятал письмо в ящик стола. Потом вытащил, перечитал снова, раз, другой. Задумался. Усмехнулся угрюмо. Он был по натуре игроком. Часто азартным, идущим ва-банк, бросающим на кон все, что есть... Хотя производил впечатление человека спокойного и уравновешенного, знающего, чего хочет, без минутных слабостей. Даже слегка вялого и сонного. Он также умел достойно проигрывать – спокойно, высокомерно, ничем не выдавая разочарования.

Но сейчас на кону стояло слишком много, проиграть нельзя. Он чувствовал себя идущим по лезвию, понимая, что исполнить задуманное нужно осторожно, не торопясь, дотошно разрабатывая детали. Он подтянул к себе бювар, достал лист бумаги.

Раздумывал, сидя неподвижно и уставясь невидящим взглядом в листок. Выстраивал конструкцию. Потом принялся неторопливо писать аккуратным писарским почерком, нумеруя строчки. Иногда зачеркивал, так же аккуратно и тщательно, как писал. Иногда перечеркивал листы накрест, целиком, и отбрасывал один за другим, пытаясь предусмотреть и продумать запасные варианты... Это было похоже на игру. Он всегда просчитывал варианты на несколько ходов вперед. Была задача, были пути реализации. Главное – исключить случайности. Сейчас же задача усложнилась, так как случайности все-таки возникли. Случайности и непредвиденные обстоятельства, в результате программа может дать сбой. Ну что ж, подумал он, значит, уберем их, только и всего. Непредвиденные обстоятельства и случайности.

Он знал себя и верил в себя, он был одержим сильным чувством – клубком из ненависти, злобы, желания мести... Не сомневаясь, без колебаний, методично шел вперед. Нет, впрочем, слово *желание* здесь слишком нейтрально и не передает смысла задачи. Он был одержим! Одержим жаждой мести... До бурления крови, до дрожи в руках, до полного помрачения рассудка. Но об этом знал лишь он один. На поверхность не вырывалось ничего. Ничто не выдавало в нем человека одержимого...

Мститель... Так он насмешливо думал о себе. Зорро. Монте-Кристо. Кто там еще? И не вспомнить...

Он снова достал из ящика письмо, перечитал. Застыл, мысленно перебирая в памяти события той ночи – методично, не торопясь, вызывая перед глазами женщину, идущую впереди, потом пустую, плохо освещенную улицу, темные дома – не светило ни одно окно. И не было ни души. Пустота и запустение. Он не почувствовал чужого присутствия. Его инстинкт самосохранения молчал. Шестое, седьмое и все остальные чувства тоже молчали. И вдруг это письмо... Как гром среди ясного неба! Досадно. Оказывается, его видели. Непонятно. Там никого не было. Он проверил. Заглушил двигатель, погасил фары, сидел, выжидал. Ни движения, ни звука, ни огня. Там нет жилых домов. Охранник? Там нечего охранять. Достаточно сигнализации. Где же был *этом*... соглядатай? Где он прятался, *этом*... Он отшвырнул от себя письмо. Листок спланировал на пол, лежал там белым пятном среди других белых пятен.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла. Еще раз представил себе ту улицу... Кривоватую, плохо освещенную, пустую. Безусловно, пустую. Дом быта. Мебельный, какие-то бедные подслеповатые лавки... Здоровенные амбарные замки. Тишина. Подходящие параметры: отсутствие жилых домов, отсутствие охраны, еле живой мигающий фонарь в начале Чешской. Подходящее место пришлось искать – он колесил по городу несколько дней, пока не нашел то, что требовалось. Мысленно он ставил птички в своем списке и вычеркивал то, что считал неактуальным. Когда в голову приходила новая идея, испытывал чувство удовлетворения и зловую радость от приближения к цели.

Этот анонимный писака думает взять его голыми руками? Сбить с пути? Ну что ж... Так даже интереснее. В полночь... Что за дешевые понты? А тебе не страшно, дружок? Полночь – время привидений и вампиров... Не страшно? Ты хорошо подумал? Ну, тогда ты в игре. Берегись!

Одним больше, одним меньше...

На другой день днем он съездил на Сиверскую, нашел дом номер шесть, прошелся по двору, осмотрелся. Двор был проходной, неуютный и нечистый, с хорошо просматриваемыми входами. С мусорным контейнером и двумя-тремя гаражами-самостроями, с облезлой детской площадкой, огороженной низким штакетником, и кустами напротив подъезда; с десятком разношерстных запаркованных машин. Он усмехнулся, представив себе *того* сидящим в кустах или в домике на детской площадке, откуда были видны оба входа во двор, потирающим руки от нетерпения. Охотник! Не подозревающий, что охота пошла на него самого. Правда, шантажист мог прийти прямо к назначенному времени, в полночь, и не устраивать засаду в кустах, но Мститель был уверен, что тот придет раньше, захочет убедиться, что деньги прибыли. И сериалы он смотрит, и с законами жанра знаком, так что без засады никак – в том месте, откуда двор виден как на ладони...

Он вернулся на Сиверскую за полтора часа до назначенного срока. Вошел в подъезд за жильцом, минуя лифт, поднялся на второй этаж и стал наблюдать из окна на лестничной площадке.

Все произошло примерно так, как он себе представлял. Охотник появился спустя двадцать минут, без десяти одиннадцать, за час десять до полуночи. Покрутился по двору, засел в кустах и затих. Вечер был холодный, мгlistый; сырость пробирала до костей. На площади пробило одиннадцать, звук был дребезжащий и глухой. Он со злорадством подумал, что шантажисту придется сидеть в кустах еще час. Еще два глухих удара обозначили половину двенадцатого. Время тянулось невыносимо медленно. Четыре новых удара. Полночь. И сразу же глухие, далекие, бесконечные, доносящиеся как будто из-под воды удары: двенадцать. Время вампиров и привидений. Человек в подъезде ухмыльнулся, представив себе растерянность *того*. Десять минут первого. Двадцать. Тридцать...

Ну же, подстегнул он мысленно *того*. Тебе не надоело сидеть в засаде, дружок? Не замерз? Не хочется размяться? *Тот*, словно услышав, вылез из кустов и пошел к мусорному контейнеру... На всякий случай, думая, что пропустил донора. Салага! Открыл крышку, загля-

нул внутрь, посветив себе фонариком. Распрямился. Оглянулся. Вся его фигура выражала недоумение и разочарование. Он еще раз заглянул в контейнер. Потом с силой захлопнул крышку и пошел со двора. Человек из подъезда метнулся вниз по лестнице.

Он увидел *того* на улице переходящим дорогу к припаркованному на другой стороне автомобилю. Ухмыльнулся – противник оказался глуп и не принял никаких мер предосторожности. Завтра настроит новое письмо с угрозами, потом еще одно, а мы тем временем узнаем, как его зовут... Как в том культовом фильме: «Имя, сестра, имя!»

Номер машины навечно вбил в память, память у него была феноменальной.

Через день он знал имя шантажиста – Варга Анатолий Ильич, мелкий чиновник из налоговой. Любитель острых ощущений. Как он и ожидал, через день пришло новое письмо. Он не ошибся, это ничтожество стало угрожать, стиль был вполне хамский, на «ты». Но чувствовались между строк недоумение и беспокойство.

Он «принял» его после работы, пошел следом. Не удивился... Почти не удивился – вот оно что! – когда они оказались на Чешской и Варга вошел в салон-парикмахерскую «Эмма». Мститель постоял на другой стороне улицы, рассматривая три женских головы в витрине, в париках химически-пронзительных оттенков: блонд, красно-рыжем и жгуче-черном. Личики у всех трех голов были бессмысленно-одинаковыми.

Спустя пятнадцать минут Варга вышел оттуда с женщиной. Она заперла дверь на ключ, и они удалились вместе. Вот и все, подумал Мститель с некоторым разочарованием, ларчик открывался довольно просто. Она могла видеть его из окна-витрины тогда, двадцать шестого марта. Вопрос – что она делала там ночью? Окна не горели, он помнил это точно. Да какая разница! Занималась отчетностью, засиделась допоздна... Неважно! Главное, что точки над *i* расставлены, и теперь нужно действовать аккуратно, чисто и по возможности быстро, пока не увеличился круг желающих заработать на нем. Варга мог разболтать о своих планах еще кому-нибудь... Кроме женщины из «Эммы».

Оказывается, ее тоже звали Эммой. Эмма Короткевич, хозяйка заведения и подруга Варги. Безмужняя, не особенно удачливая в бизнесе, клюнувшая на такое плюгавое ничтожество, как Варга. Он проводил их до ее дома – любовник был пеший, без машины, – и посидел на лавочке, ожидая, пока вспыхнут окна ее квартиры. Теперь, когда на руках у него были все козыри, можно было начинать охоту. Чем раньше и быстрее, тем лучше.

Но быстро не получилось. Почти три недели понадобилось ему, чтобы поймать шантажиста в удобном месте в удобное время: тот шел из бара по тупичковой, слабо освещенной улочке, накачавшись пивом, на бульвар, где, скорее всего, тормознул бы такси или частника. Он почувствовал азарт преследователя – то самое чувство, когда понимаешь: сейчас или никогда, – и вжал до упора педаль газа.

Глава 3

Клиентка

...И тут в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Алик.

Дверь открылась, и вошла женщина. Скользнула взглядом по Алику, остановилась на Шibaеве. Она была так растеряна, что не поздоровалась. Лет тридцати пяти, с озабоченным лицом, длинными вытравленными волосами, пестро одетая: длинная юбка в цветах и открытый розовый топик на бретельках; золотые сандалии; яркий лак на ногтях ног и рук. С очень синими глазами, обильно накрашенными. Секретарша? Вряд ли, возраст не тот. В ее возрасте секретарши выглядят солиднее. Сфера образования исключается. Здравоохранения тоже. Сервис. Официантка? Пожалуй. Была у него однажды знакомая официантка, от нее пахло едой. Алик потянул носом. От гостыи едой не пахло. Пахло парфюмерией, в которой Алик был большим спецом. Пенка для волос, туалетная вода, крем для тела... Запахи приятные, хотя парфюм не из дорогих. Продавщица из парфюмерного отдела?

Алик в последнее время увлекся кинесикой, или физиогномистикой, и не упускал случая потренироваться на окружающих.

– Добрый день, – сказал он. – Я вас слушаю.

Она повернулась к адвокату, достала из торбы сложенную газету.

– Я пришла по объявлению, вот, – протянула Алику газету. – Добрый день! – спохватилась. – Извините, совсем потеряла голову. Я к господину Шibaеву. Это... вы?

– Господин Шibaев не принимает, к сожалению. Возможно, я смогу помочь... Как адвокат.

– А где Шibaев?

– Боюсь, он занят.

Она повернулась к безмолвному Шibaеву. Тот делал вид, что изучает что-то на экране компьютера.

– А что же мне делать? – В ее словах было столько растерянности и разочарования, что Шibaев не выдержал:

– Присядьте, я сейчас освобожусь.

Он снова уткнулся в экран. Вид у него был недовольный. Алик ухмыльнулся и посмотрел на потолок – похоже, его молитва услышана. Ухмылка его была замечена – он поймал взгляд Шibaева и подмигнул. Шibaев насупился.

– Хотите кофе? – приветливо обратился Алик к женщине.

– Водички, если можно. Жарко.

– Что за проблема? – он достал из холодильника бутылку минералки и взял стакан. – Что-нибудь серьезное?

– Не знаю... Понимаете, я долго думала, подруга говорит, не сходи с ума, а мне не по себе, честное слово. Решилась... Газета старая, две недели таскаю в сумке. Как увидела объявление, так прямо будто кто толкнул. А потом думаю – может, кажется? Может, глюки? Из-за жары... Хотя все время дождь идет. А вчера... – Она замолчала и взяла протянутый стакан; сделала пару глотков и теперь держала его в руках, не догадываясь поставить на стол.

– Что случилось вчера? – Шibaев наконец оторвался от экрана.

– Не волнуйтесь, – вылез Алик. – Еще водички?

Она замотала головой.

– Как вас зовут? – спросил Шibaев.

– Эмма. Эмма Короткевич. Понимаете, за мной следят. То есть мне кажется...

- Давно? – Шibaев переглянулся с Аликом.
- Я заметила примерно месяц назад, в середине августа, – она облизнула пересохшие губы. – Случайно. Вспомнила, что забыла купить хлеб, повернулась и налетела на него. Прямо в магазине. А потом увидела его опять, на другой день, уже в другом костюме... Заметила волосы с сединой. В смысле, вроде он. А потом еще и еще... Так и чувствую, что кто-то смотрит. Сначала думала, случайность, а потом как-то стремно стало, выхожу и ищу его глазами...
- Он что-то сказал, когда вы столкнулись? – спросил Шibaев.
- Она пожала плечами:
- Ничего не сказал. Извинился.
- Где это происходит?
- Что... происходит? – Она во все глаза смотрела на Шibaева своими синими глазами, и Алик подумал, что вот снова как всегда: увидела и обалдела. Ну, женщины!
- Где вы его видите? – уточнил Шibaев. – Около дома или в городе?
- Она задумалась.
- Наверное, когда иду домой с работы. Знаете, просто чувствую: кто-то смотрит сзади... – она потрогала затылок. – Прямо огнем прожигает...
- То есть вы думаете, он поджидает вас после рабочего дня?
- Получается... – она снова пожала плечами. – Но я его там не видела.
- Вы не пытались обнаружить его, когда выходите с работы? Оглядеться вокруг, постоять у выхода?
- Да я все время оглядываюсь! – воскликнула женщина.
- Как скоро вы его замечаете?
- Ближе к центру, через два или три квартала. То есть я не знаю... Вроде он.
- И вы думаете, что он идет за вами до самого дома?
- Она неуверенно кивнула.
- Тот, с кем вы столкнулись в магазине?
- Не знаю... Я его не рассмотрела. Оглядываюсь – вроде никого нет, но чувствую, что есть...
- Как по-вашему, что ему нужно?
- Понятия не имею! Может, хочет ограбить?
- Шibaев невольно ухмыльнулся.
- Если бы хотел, ограбил бы. Не похоже. Может, поклонник? Вам не кажется, что вы могли видеть его раньше?
- Поклонник? – повторила она недоуменно. – Да я боюсь его! Спать перестала, лежу, прислушиваюсь. Никогда его раньше не видела...
- Вы живете одна?
- Теперь одна. Мы с мужем развелись два года назад.
- Кем вы работаете?
- У меня бизнес. Салон-парикмахерская около рынка.
- Алик кивнул – теперь понятно, откуда запах косметики, и спросил:
- Как называется?
- «Эмма»... Как и я.
- Большая?
- Не очень. Три кресла и маникюр.
- Работников много?
- Четверо, со мной пятеро. Две мастерицы – баба Аня, она уже пенсионерка, и Кристина, Зоя на маникюре и Леночка на записи и уборка.
- Отношения в коллективе?

– Нормальные. Баба Аня и Кристина у меня давно, Зоя новенькая, Леночка – моя соседка, девочка совсем, мать попросила пристроить хоть на какую-то копейку.

– Неприятности с бизнесом? Может, хотели купить?

– Нет. Работаю уже шесть лет... Понимаете, у нас все очень скромно, цены невысокие. Мы на отшибе – вроде и в центре, и рынок рядом, а получается, вроде как спрятаны. Место не очень бойкое. Если бы захотела продать, попробуй еще найди покупателя.

– Понятно, – сказал Шibaев. – Что случилось вчера?

– Я ушла с работы в восемь вечера. Зашла за угол, подождала. Его не было. Вообще никого не было. Пришла домой и вижу, что в квартире кто-то был... В смысле, не тогда, когда я пришла, а раньше...

– Как вы это поняли?

– В прихожей горел свет. И в кухне.

– Вы уверены, что...

– Я вообще в кухне не включала! – воскликнула она. – Уходила в семь, уже светло было.

В крайнем случае, оставила бы в прихожей, но не в кухне. И еще...

– Что?

– Вещи не на своих местах...

– То есть в квартире был беспорядок?

– Ну, не совсем беспорядок... Просто ящики выдвинуты, и журнальный столик не на месте.

– Я могу осмотреть вашу квартиру?

– Конечно! Так вы беретесь? Я уже думала, что схожу с ума! – она прижала пальцы к вискам. – Честное слово! Своей тени боюсь... Вот и подруга говорит... Вы мне верите?

– Конечно, верим, – сказал Алик. – А ваш муж... В каких вы отношениях?

– Ну что вы! Мише это и в голову не пришло бы. Да и нет его, уехал в Италию с новой женой. Он строитель, она нашла ему работу. Детей у нас нет.

– Идемте, Эмма, – Шibaев встал. – Посмотрим, что у вас случилось. Вы никого не видели, когда шли сюда?

– Не было вроде. Ждала за углом... Я все время, как зайду за угол, так и выжидаю две-три минуты – а вдруг он появится? Не было. И с работы вроде больше не встречает.

– Где вы живете?

– На проспекте Мира, двенадцать, квартира двадцать один.

– Как вы пойдете домой?

– Через площадь, потом по Пятницкой, мимо храма и до проспекта.

– Я пойду за вами, идите спокойно, не торопитесь, не оглядывайтесь. Какой этаж?

– Третий.

– Поднимитесь в свою квартиру, я приду через десять минут.

Она кивнула, посмотрела на Алика – тот кивнул ободряюще – и вышла.

– На истеричку не похожа, – сказал Алик. – Бизнес мелкий. Врагов нет, бывший муж за границей. Может, поклонник? Влюбился и ходит следом?

– Ага, пришел постричься и влюбился. На данном этапе вопрос стоит: следят или не следят. Если следят, то идем дальше. Если нет...

– Тебе тоже не помешало бы постричься, – заметил Алик. – Может, у нее с головой проблемы? Паранойя? Или истеричка? Или от... как это она сказала? – Алик хихикнул. – От жары?

– На истеричку вроде не похожа. Ладно, разберемся. Не скучай, Дрючин.

С этими словами Шibaев вышел.

– Что сказать Жанне, если будет звонить? – крикнул ему вслед Алик, не удержался. Вопрос был из тех, что не требуют ответа, скорее издевка, а не вопрос, тем более у Шibaева с

собой мобильник. Шibaев не ответил – не то не услышал, не то не счел нужным. Алик скрестил указательный и средний пальцы на левой руке – наудачу...

Глава 4

В гостях у Эммы

Шibaев шел за Эммой, чувствуя в ее походке скованность и неуверенность. Она останавливалась у витрин, рассматривая в стекле улицу у себя за спиной и пытаясь обнаружить слежку, как рекомендует пособие для начинающего шпиона, поминутно оглядывалась, упираясь в него взглядом. Шibaев, чертыхаясь, нырял за углы, чтобы связь между ними не бросалась в глаза. Не нужно было устраивать ловлю на живца – если тот мужик существует реально, а не плод ее воображения, и прямо сейчас идет следом, то раскусить его, Шibaева, для него пара пустяков. Спина Эммы, ее напряженные плечи, долгие зависания перед витринами, постоянные оглядывания... Черт, не нужно было устраивать спектакль! Подойти к ее заведению... скажем, завтра вечером, спокойно дождаться, пока она выйдет, принять и вести до дома на приличном расстоянии, держа в поле зрения любого возможного преследователя. А потом принимать меры. Вообще причин для любой слежки – раз-два и обчелся. Она не связана с секретными службами, ее бизнес не представляет... Не так! Причина для слежки – самая очевидная: позволить обнаружить себя и напугать. Вот только зачем? Тут возможны варианты. Кому нужно ее пугать? Кто он? Маньяк? Где-то они пересеклись, и он обратил на нее внимание. Может, клиент? Может, заговорил в кафе? Сосед? Муж сотрудницы? На ровном месте такие вещи не происходят. Может, не напугать, а, наоборот, познакомиться? Она сказала, это продолжается около месяца. Вряд ли познакомиться. Напугать, скорее всего. Он позволил себя обнаружить с той же целью. Намеренно. Некий мужик целый месяц, а может, и больше... Нет, вряд ли больше, он сразу попался ей на глаза... Налетел, обратил на себя внимание. А дальше – по накатанной. Зачем? И где он в данный момент? В данный момент его на горизонте нет. Чисто.

Эмма скрылась в подъезде. Шibaев уселся на лавочку в глубине двора. Если этот тип существует, он прекрасно знает, где она живет. Конечно, знает. Раз побывал у нее дома. Если существует и если побывал.

Через десять минут он поднялся. Двор был пуст. Никто не выскочил из-за угла, никто не попытался войти в подъезд. Дом старый, четырехэтажный, жильцов немного. Мертвое царство.

...Он наклонился, рассматривая замок. Заметил пару неясных царапин, провел по ним пальцем. Позвонил. Эмма открыла сразу – стояла под дверью, поджидая его. Шibaев вошел. Вдохнул и подумал, что в каждом доме свой запах. В доме Эммы пахло как в цветочной лавке. На тумбочке стояла сине-белая фаянсовая не то ваза, не то тарелка, доверху наполненная шишками и сушеными веточками; причем шишки были покрыты серебряной и золотой краской.

– С замком проблем не было? – спросил Шibaев.

– С замком? – Похоже, испугалась. – Каких проблем?

– Каких-нибудь. Ключ заело, пришлось звать соседа, чтобы открыл шилом... Не знаю. Любых.

– Было! – вспомнила Эмма, заглядывая ему в лицо. – Я потеряла ключ, а соседки не было дома, у меня там запасной, и я открыла пилкой для ногтей... Меня муж научил, он сарай на даче так открывает... Открывал.

– Пилкой для ногтей? Грабителей не боитесь? Дверь у вас на честном слове... Да и замок никакой.

– Мы собирались ставить металл, а баба Аня сказала, что они, наоборот, высматривают, у кого дорогая дверь, того и грабят... В смысле грабители. Я все время собираюсь... Думаете, надо?

Шibaев пожал плечами.

– Думаю. Чтоб спать спокойно. С соседями не говорили? Может, видели кого-нибудь?

– Говорила! Со всеми, сразу, как заметила. Никто ничего не видел и не слышал. Может, поговорить еще раз?

– Если никто ничего не видел... – сказал Шибает неопределенно. – А раньше ничего подобного не случилось? Не замечали?

Эмма покачала головой.

– Может, чаю или кофе? – спросила после небольшой паузы. – Я не знаю вашего отчества...

– Можно Александр. Спасибо, Эмма. Кофе. Потом. Покажите, что не на месте.

– Это в гостиной. Пойдемте.

Она пошла вперед. Он шагнул следом.

Гостиная была довольно большой, в желто-зеленых тонах. От светлой пестроты казалось, что комната залита солнечным светом. Шибаету это зрелище навяло картинку омлета с зеленью – фирменного блюда Алика. Желтый паркет, бледный бежевый с зеленым ковер на полу, гардины в тон, светлая мебель. Ощущение удивительной сбалансированности всех предметов, идеальный порядок, каждая вещь на своем месте. Ни раскрытой книжки, ни сдвинутых подушек на большом желто-рыжем диване, ни конфетного фантика на журнальном столике. Цветы на подоконнике, крупные белые и лиловые грозди, почти без листьев. Шибает подумал, что цветы искусственные.

– Вот! – Эмма показала на полувыдвинутый ящик серванта. – И гардина – видите, отодвинута. Я думаю, он смотрел на улицу... Теперь как подхожу к дому, всегда смотрю на окна. Однажды показалось, что шевельнулась гардина, так я полчаса сидела на лавочке, а потом поднялась вместе с соседкой, позвала ее посмотреть мой новый жакет. Пока она смотрела, я пробежала по квартире, даже под кровать заглянула... Я, наверное, сойду с ума! – Она серьезно смотрела на Шибаета, и он снова отметил, что глаза у Эммы удивительно синие. – А ночью вообще! Днем много шума, машины, телевизор, даже лифт, а ночью такая тишина, что прямо мороз по коже. Страшно! Укроюсь с головой, дрожу вся и думаю: скорей бы утро. И понимаю головой, что нет никого, а страх не отпускает.

Она замолчала. Молчал и Шибает, не зная, что сказать. Не умел он утешать перепуганных женщин. Алик Дрючин умеет, а он, Шибает, не умеет. Адвокат сейчас разлился бы соловьем, взял за ручку, погладил по плечу. Попытался остаться на ночь, исключительно в душе-спасительных целях... Прохиндей.

– И журнальный столик сдвинут, смотрите, вот след от ножки! – Эмма указала на едва заметную вмятину на ковре. – Я ничего не трогала, побоялась. Как увидела, так застыла вся, пошевелиться боюсь, а вдруг, думаю, он еще здесь! Вот, видите?

Шибает присмотрелся – действительно сдвинут.

– Что-то пропало? – спросил.

– Нет, все на месте. Я проверила.

– Вы сказали, запасные ключи от входной двери у соседки? Она не могла?

– У соседки. Ну что вы! Я ее сто лет знаю. Не могла, даже не думайте. Еще на работе, в сейфе. И у меня с собой, конечно. После развода я хотела поменять, но подумала, что нужно менять сразу с дверью, ну и еще... – Она замялась.

Шибает отметил заминку и тут же спросил:

– После развода у вас кто-то был?

– Мы встречались... Учились когда-то вместе. Он женат. Три месяца всего...

– У него были ключи?

– Нет. Он просто приходил. Он хотел, но я не дала... ключи.

– Кто такой?

– Работает в налоговой, помог мне со справкой... Ну и стали встречаться.

– Когда это было?

– Зимой. Полгода назад.

– Почему вы расстались?

– Да как-то так получилось... Не знаю. У него семья... Жаловался на жену, чуть не плакал. Он мне помог, а потом напросился в гости. А жена как-то узнала. В мае еще. С тех пор никого не было.

– Анонимный звонок?

Она вспыхнула, пожала плечами и отвела взгляд.

Хитра! Шибаев ухмыльнулся. Алик Дрючин называет это силой слабых. Понимай – хитрость. А куда деваться? Если он ей никак, этот мужик из налоговой, а послать боится.

Он рассматривал ее, пытаясь понять, что за человек перед ним. Алик задолбал его языком жестов, нудно объясняя всякий досужий чих. *«Запрокинутая голова – вызов окружающим; свисающая вниз голова – слабость, безволие. Прищуренный взгляд – хитрость, коварные планы и злой умысел».*

Ну-ка, Дрючин, давай, изобрази свисающую голову, причем свисающую не вверх, а вниз, издевался Шибаев, а сожитель кричал, что он отстал от современных трендов в науке и ни хрена в тонких материях не понимает по причине толстокожести и узколобости.

Эмма отвела взгляд и покраснела. Не нужно разбираться в языке жестов, чтобы понять: неловкость и стыд. Сама позвонила жене любовника. Поняла, что он понял. Хитрая и в то же время наивная, не хабалка...

– Кофе? – спросила она, поднимая на него глаза. Сильно покрашенные, очень синие, с длинными ресницами. Красивые глаза.

– Да. Спасибо. Покрепче, с сахаром.

Она с облегчением выбежала из гостиной...

...Они пили кофе. Кукольный сервиз на журнальном столике. Печенье и конфеты в ажурной металлической вазочке. Кофе был слабый, настоящий дамский кофе. Алик такой любит. Еще туда полагается пол-литра сливок и кило сахара.

– Может, покушать? – спросила Эмма. – У меня есть мясо. Хотите?

Шибаев вдруг почувствовал пустоту в желудке и представил себе большой кусок жареного мяса. Сглотнул и кивнул, сомневаясь – не надо бы, не в гости пришел, достаточно кофе. Но Эмма уже снова выбежала из гостиной. Он, все еще сомневаясь, пошел следом и сказал ей в спину:

– Давайте на кухне. Помочь?

– Ну что вы! – Она обернулась, стрельнула глазами, смутилась. – Садитесь, Саша.

Не Александр, а Саша. Алик Дрючин сказал бы – она на тебя запала, Ши-Бон, не теряйся!

Он наблюдал, как суетится Эмма, достает из холодильника отбивные, кладет на сковородку. Отбивные начинают шипеть, по кухне плывет такой сумасшедший запах, что пустота в желудке приобретает космические размеры, превращаясь в черную дыру. Он пытается сопротивляться и начинает искать, к чему прицепиться... Из принципа. Под девизом «нас вашими отбивными не возьмешь». Алик называет это духом противоречия, на самом же деле – элементарная упертость. Что есть, то есть. Кто без греха, возьмите камень.

Он обводит кухню внимательным взглядом. В кухне идеальный порядок; в холодильнике идеальный порядок... Не иначе, выносила супругу мозги: не туда сел, не там стал. Он и сбежал. Что и требовалось доказать. Хотя нет, сбегает не поэтому. Лично он, Шибаев, сбегает... А почему, собственно, он сбегает? Насилие! Семейное насилие. Ломание через колено. Она считает, что знает лучше, что ему нужно. И ломает. Еще скука. Смотришь на нее – и скулы сводит. Губы шевелятся, все время шевелятся, над верхней – милые усики. Зудит и воспитывает, замечает взгляд, затыкается и спрашивает: что? Ничего. Разве расскажешь... Он вздохнул.

Мясо... Отбивная. Вкуснейшая. Запах... до слез! Алик тоже умеет отбивные, но они не пахнут так соблазнительно. И черный хлеб. Одинокие женщины, как правило, не готовят,

перебиваются хип-хап, как говорит Алик – шоколадкой и мороженым. Кухня – тот же театр, нужны зрители. Нет зрителей – нет театра. А у Эммы отбивная. Если хорошенько поискать, то можно не сомневаться, что найдутся и борщ, и тушеные баклажаны... Шibaев вздохнул.

– Что мне делать? – вдруг спрашивает Эмма.

Подперев щеку рукой, она смотрит, как он ест. Они все смотрят на него, когда он ест, и в глазах у них что-то... сразу даже не скажешь, что. Умиление, любопытство, радость... Алик считает это латентной сексуальностью и материнским инстинктом. Женщина, которая не кормит своего мужчину, асексуальна, считает Алик. «Взять твою Жанну, например, – говорит Алик. – Или мою австриячку. Архетип женщины, на которую западают, – это здоровенная тетка в фартуке с половником в руке, образно выражаясь. Горячая во всех отношениях». – «Не сказал бы, – не соглашается Шibaев, – Жанна вообще не готовит, но из себя очень даже!» Он натывается на внимательный взгляд Эммы...

– Ничего. Делать буду я, – говорит Шibaев и внутренне морщится – фраза вполне в духе сериала, Алику понравилось бы. – Я попытаюсь его увидеть. Эмма... – он замолчал.

– Да?

– Вы сказали, что никогда не видели его раньше, так? Если предположить, что тот, из магазина, наш подозреваемый, – она кивает, – то есть никаких мыслей, кто он и что ему надо? – она мотает головой. – Вы храните дома какие-то ценности? Деньги, золото?

– Немного денег... Откуда золото? Цепочка и пара колечек. Едва хватает на жизнь, коммуналка растет и налоги. Я бы продала салон, пошла мастером, мороки меньше. Да кто ж его купит? И жалко. Мы родительскую дачу продали, машину. Мужу еще надо выплатить его долю, слава богу, согласился подождать.

– Почему вы расстались?

– Из-за бизнеса, наверное. Он давно хотел уехать, мы вместе планировали, у него друзья в Италии, а когда подошло дело, мне вдруг стало страшно, и салон – как любимая игрушка... Как его бросишь? Если бы хоть дети были...

– Никаких конфликтов с клиентами, соседями, коллективом? – деловито продолжает Шibaев, не желая углубляться в темы ее семейной жизни.

Она хмурится, морщит лоб, вспоминает.

– Нет, ничего такого...

– Незнакомые люди, которые ошиблись адресом, телефонные звонки, странные письма?

Эмма качает головой:

– Не припомню... Нет.

– Ключ не теряли? Может, сумочку забыли или кража?

Она снова качает головой. Нет, нет и нет.

– То есть ничего путного совершенно не приходит в голову? – настаивает Шibaев.

Она пожимает плечами:

– Нет... По-моему.

– Как фамилия знакомого из налоговой?

Она вспыхивает.

– Это обязательно?

– Не знаю пока. На всякий случай. Не переживайте, он меня даже не заметит.

– Толик. Анатолий Ильич Варга, восьмой кабинет.

– Хорошо. Вы завтра работаете?

– Да, с полдевятого утра. Мы открываемся в девять.

– А отбой?

– В восемь.

– Вы завтра как?

– Весь день, до восьми.

– Я буду где-нибудь рядом. Не оглядывайтесь, идите домой как обычно. Кроме того, я загляну к вам днем, хочу посмотреть на сотрудников. Когда лучше?

– Часов в одиннадцать все будут. – Она смотрит на него оценивающим взглядом и вдруг выпаливает: – Вам нужно изменить прическу!

– Договорились. В одиннадцать. И еще! Поменяйте хотя бы замок.

Он оставляет без внимания ее замечание насчет прически, отмечая тем не менее, что она тоже знает, что ему нужно делать. Они все знают, что ему нужно делать. Уверены, что знают. Он поднимается. Она идет в прихожую проводить. Запирает дверь и возвращается в кухню. Наливает себе кофе, отпивает, глубоко задумывается. На лице ее выражение досады, она уже не уверена, что поступила правильно. И подруга говорит – рассосется, не бери в голову, тебе все кажется. Этот Александр Шибаев... Серьезный мужчина, вопросы задает в лоб, смотрит – как будто не верит ни одному твоему слову. Она зябко передергивает плечами, хотя в квартире жарко. Может, не надо было? Вообще не надо! Может, кажется? И с прической вылезла... Кто только за язык тянул! Его аж перекосило.

Она моет посуду и думает о Шибаеве...

* * *

...Он был на похоронах Варги. Тот, кто однажды назвал себя мстителем. Высокопарно, но в точку. Разве он не мститель? Мститель и есть.

Ему было интересно посмотреть на семью шантажиста, чью судьбу он так резко изменил. Жена, толстая неприятная бабеха, бледная тонкая дочка, обе в черном, заплаканные. Коллеги, друзья, соседи. Виновник скорби, муж и отец, мелкий вымогатель, шантажист и рэкетиер, важный, серьезный, неподвижный, со сложенными на животе руками. Ушел. Навсегда. Когда гроб опускали в страшную сырую яму, жена заголосила, и дочка прижала мать к себе и стала что-то ей говорить. Их горе было подлинным и чистым. Они осиротели. Их жалко. Им невдомек, что их муж и отец попал в капкан, который сам же расставил. Решил, что он охотник, а оказалось, что мелкий глупый хищник. Хорек.

У него мелькнула мысль, показавшаяся ему забавной. Он даже сделал шаг, чтобы подойти к ним поближе и выразить соболезнования, но после секундного колебания от этой мысли отказался. Не нужно множить сущности без необходимости... или как там сказал мудрец. Прокальваются на мелочах.

Он кивнул лежащему в гробу Варге и пошел по аллее к выходу.

Это был край кладбища, расширявшегося в сторону бескрайнего пустыря; могилы здесь были свежие, еще без памятников. Где-то здесь, подумал он, замедляя шаг. Вот! Венки, прибитые к земле дождем, черные ленты, увядшие свежие цветы... Та женщина! Он постоял у невысокого холма. Он был на ее похоронах... Когда же? Всего пару недель назад, а кажется – прошла вечность. Тут впору вздохнуть и сказать сентенциозно: как бежит время! Умная серьезная женщина... А на поверку – как все. Все до одной.

Он сжал кулаки. Он ненавидел эту женщину. От ненависти меркло в глазах. Он постоял немного, восстанавливая дыхание, и неторопливо направился к воротам кладбища. На полдороге повернулся и пошел обратно. Должна быть еще могила... Той, самой первой. К сожалению, он не был на погребении, не получилось. Но помнил дату – двадцать шестое марта, значит, она где-то здесь. Он прошел вдоль «мартовского» ряда, отсчитывая последние числа. Ничего подходящего не увидел. Он прекрасно помнил ее: лет тридцати, не больше... Красивая, с длинными темными волосами на светлом пальто. Где же она? Только здесь, больше нигде – в городе единственное действующее кладбище. Пропустил? Он прошел вдоль ряда снова. С тем же результатом. Куда же она подевалась?

Он вдруг поймал себя на мысли, что ему комфортно здесь, среди усопших. Среди живых некомфортно, а среди усопших – вполне... Эти не предадут и не ударят. Комфорт, умиротворение, вечный покой. Он угрюмо усмехнулся. Значит ли это, что он тоже... *усопший*? Восставший усопший? Зомби, у которого на месте сердца пепелище? Он ходит среди живых, и никто не догадывается, что он нежить. Он говорит с ними, здоровается, смеется дурацким анекдотам, которые они рассказывают, пьет и ест, и его невозможно отличить от них... А еще он планирует, выслеживает и наносит удар... *Целясь в скрытую до времени цель. Целясь в цель...* Каков стиль! Зато емко и образно. Цель поражена! Но он все равно проигравший. Поставивший на кон все – и проигравший...

Нужной могилы все не было. Все не то. Куда же она делась?

Забавная мысль вдруг пришла ему в голову, и он снова угрюмо ухмыльнулся. Подумал, что его собственная могила, возможно, будет где-то здесь, неподалеку, в компании тех, кого он отправил сюда... В конце концов, они все будут здесь!

Подходя к своей машине, припаркованной на кладбищенской стоянке, он нажал кнопку пульта. Темно-синий «Мерседес» мигнул фарами...

Глава 5

Ши-Бон и Алик. Ужин вдвоем

- Ну как? – Алик сгорал от нетерпения. – Что-нибудь выяснил?
- Надев фартук с глуполицым зайцем, держащим в зубах морковку, он возился с ужином – чистил картошку.
- Не выяснил. Шел следом, никого не видел, – Шибаев стал в дверях, подпер плечом косяк.
- А как она вообще?
- В каком смысле? Кофе средний, но тебе бы понравился. Насчет мании преследования не уверен. Одинокая. – Шибаев уселся на табурет.
- У одиноких женщин бывают странные фантазии, – заметил Алик, возвращаясь к картошке.
- Я не психиатр. Вроде не похожа на истеричку. Посмотрим.
- То есть ты берешься?
- Шибаев пожал плечами.
- Может, поклонник? – раздумывает Алик.
- Ага, пришел в гости, когда ее не было дома.
- То есть ты считаешь, что у нее в квартире действительно кто-то был?
- Дрючин, спроси чего полегче. Откуда я знаю? Ничего не исчезло, все на месте. Выдвинут ящик серванта и сдвинут журнальный столик. Еще свет на кухне и в прихожей... Я бы и не заметил.
- А она не могла сама?
- Могла. Я посоветовал сменить замок, а заодно дверь. Замок там держится на честном слове.
- То есть ты все-таки уверен, что этот тип влез в квартиру?
- Не уверен. Я даже не уверен, что он существует. Но если она считает, что влез, то лучше поменять. Ей же спокойнее.
- То есть ты будешь следить за ней?
- Шибаев снова пожал плечами.
- А как она вообще? – Алику хотелось болтать.
- Нормальная. Представляешь, готовит для себя одной. Мясо...
- Может, она не одна?
- Одна. Был женатый мужик, но весной разбежались, – Шибаев ухмыльнулся. – Кто-то настучал жене.
- Кто? Обычно этим занимаются близкие подруги.
- Я думаю, она сама и настучала.
- Как это? – вытаращил глаза Алик.
- Элементарно, Ватсон. Парень из налоговой, помог с бумагами и стал давить. Вот она и придумала, как скинуть.
- Однако! – восхитился Алик. – Первый раз в моей практике. А она не боялась, что жена набьет ей физиономию?
- А какой выход? Он приходил и ныл про свою несчастную семейную жизнь, даже плакал. Да и в этом самом смысле, – Шибаев выразительно посмотрел на Алику, – не гигант, я думаю. А что бы ты сделал на ее месте? Налоговая – это серьезно, может нагадить. Тем более такие сопливые и гадят. А она нашла красивое решение.
- Очень женское решение! Мужчина ни за что бы не додумался.

– Я давно замечал, что мы с ними разные, – ухмыльнулся Шibaев.

– Ты думаешь, за ней действительно следят?

– Думаю, не думаю... Чего гадать-то? Завтра узнаем.

– А как насчет охраны? Будешь звонить Жанне?

Шibaев не ответил.

– Пиво купил? – спросил Алик через минуту.

– Купил. И ветчину.

– А она ничего, – заметил Алик, когда они уже сидели за столом. – Только злоупотребляет косметикой.

– Если злоупотребляет женщина, то ничего. Работа такая, среди косметики. Вот если мужик... – Шibaев выразительно посмотрел на Алика и ухмыльнулся.

Алик кивнул, не приняв шibaевской ухмылки на свой счет.

– Так что ты скажешь Жанне? – Алик вернулся к теме, которая его живо интересовала.

Шibaев молча жевал.

– Я бы на твоём месте не торопился. Тем более у тебя наклюнулась работа...

– Это, по-твоему, работа? – Шibaев отбросил вилку. – Истеричной дамочке кажется, что за ней следят... Это работа?! А я должен делать вид, что воспринимаю ее серьезно, советую поменять замок, иду следом... Это работа? Сколько можно! Остохерело делать вид, что воспринимаешь всю эту лабуду серьезно! Уж лучше охрана. Что я скажу Жанне? А тебя... э-э-э... свербит, что я ей скажу? Не знаю. Все хреново!

– Успокойся! – Алик тоже повысил голос. – И не надо на меня орать! Ты же сам понимаешь, что охрана – не твое, и нечего тут онанизмом заниматься.

– Чем? – опешил Шibaев.

– Тем самым. А если в охрану, так иди уже, ради бога, надоело твое нытье. Ты посмотри на себя! Ты же все время недоволен, тебе же все время хуже всех... Достал уже, честное слово!

– Ты... Да пошел ты! – Шibaев вскочил из-за стола и вылетел из кухни.

Довольный Алик налил себе пива. Он считал, что сожителя нужно время от времени встряхивать, в смысле давать по мозгам. Перезагружать. Частный детектив, конечно, не пик карьеры, но жить можно. Есть дела поинтереснее, есть фуфлю. Да и клиенты иногда... У него, Алика, тоже попадают клиенты... Убил бы! Просто нужно настроиться и делать свою работу. Охрана еще хуже. Тем более – снова Жанна... Повод для стресса. Опять давление, капризы, истерики. Недаром умные люди говорят, никогда не нужно возвращаться. Он, Алик, например, никогда не возвращается. Жизнь коротка, нужно не просто шагать вперед, а бежать. Чтобы поспевать в ногу со временем.

На пороге появился Шibaев.

– Картошка стынет, – сказал Алик как ни в чем не бывало.

Шibaев уселся, потянулся за жестянкой с пивом.

– Неужели ты не понимаешь... – он махнул рукой.

– Понимаю. Я говорил, что есть три решения проблемы. Если обойдемся без смертоубийства, то два. Быть или не быть. Вот скажи, ты представляешь себя охранником?

Шibaев сосредоточенно жевал, не перебивал, не дергал плечом. Слушал.

– Хотя – не знаю, – зудел Алик. – Можно попробовать. Новый опыт, да и денег побольше... все такое. Варум нихт, как говорила моя австриячка. Почему бы и нет? Дерзай, мой друг. Только сначала поймай того парня, который пугает Эмму... Раз уж взялся.

Алик однажды чуть не женился на австрийской адвокатессе, с которой вел бракоразводный процесс с двух сторон. Она с той, он с этой. Умнейшая женщина, восхищался Алик поначалу. Весь австрийской кодекс наизусть шпарит. Правда, страшная. Но голова, голова! Фантастика, а не голова. Процесс Алик проиграл, австриячка положила его на обе лопатки. Это не

женщина, жаловался Алик Шибаету, а ходячий кодекс, и картошки сварить не в состоянии, и кофе как деготь, и в постели – плакать хочется: и то нельзя, и это... Квакерша!

– Кодекс – он и в постели кодекс, – утешал друга Шибает. – Хорошо, что вы не оформили отношения, она бы тебя раздела. Повезло, считай. А так квартира при тебе. Может, сдадим? Ты же все равно тут пристроился... Задарма, кстати. А так доход какой-никакой.

– Может, поклонник? – Алик сделал вид, что не расслышал про квартиру, и зашел по второму кругу. – Эмма – женщина из себя ничего, видная...

Шибает все так же молча жевал. Запивал пивом. Ужин закончился в молчании. Все попытки Алика разговорить Шибаета ни к чему не привели. Тот уперто молчал. Недовольные друг другом, они разошлись по «норам» – Шибает в спальню, Алик в гостиную, где сразу включил компьютер. Принес из ванной зеркало для бритья и углубился в онлайн-пособие по языку жестов и мимики: зачитывал вслух и попутно заглядывался в зеркало.

– Положение головы! Поднятая голова говорит об уверенности, – с выражением прочитал Алик; задрал голову и скосил взгляд на собственное отражение. – Подчеркнуто поднятая – о высокомерии и самолюбовании. Ага, – Алик запрокинул голову еще выше, и теперь ему был виден только подбородок. – Вызов окружающим и готовность к драке. Склоненная голова – компромисс и подчиненность. Свисающая – безволие и слабость. Это как?

Алик вспомнил курицу из цирка со свешенной головой, куда-то там ей нажали, и она упала в обморок. Вид тот еще, народ пугать, недаром Шибает издевается.

– Ладно, идем дальше, – сказал себе Алик. – Что у нас тут про глаза? Ага, вот. Широко открытые – живость характера, – Алик вытаращил глаза. – Взгляд сбоку – скепсис и недоверие, – он скосил глаза и презрительно ухмыльнулся. – Согнутая спина – покорность...

Что за фигня? Детский сад какой-то. А если человек от природы сутулый? А сам – о-го-го, боец! Не катит. Не верю. Ши-Бон хлопает по спине между лопаток, разогнись, мол, кабинетный сиделец! Ну, есть, кто ж спорит, но при чем тут покорность? Ладно, пошли дальше. Что у нас дальше?

– Рот! – объявляет Алик. – Опущенные уголки – пессимизм и поиски негатива. – Алик кривит рот, пытаюсь определить, что при этом испытывает. – И презрение! Опущенные уголки рта передают месседж: «Я тебя презираю!»

В смысле, ты чмо ушатое. «Ушатое» – из репертуара соседа-трехлетки. В исполнении Алика не столько презрение, сколько плаксивость.

– Ладно, это субъективно, – решает Алик. – Переходим к рукам. Руки за спиной, вдоль тела, в карманах, потирание рук... Безволие, покорность, сокрытие истины, удовлетворение... – бормочет он. – Примитивизм какой-то, чесслово! Ежу понятно, – он пробегает глазами экран. – Походка! Короткие шаги – осторожность и расчетливость. А если ноги от природы короткие? Деревянная походка – самодостаточность и позитив...

Чего? Что за... Значит, если ходить деревянной походкой... Это как? Не сгибая колен, шаркать и переваливаться? То это позитив? И у женщины тоже? Получается, если у нее деревянная походка, то она честная, прямая, верная... Глупости, это не женщина, а какой-то... Буратино! Пусть лучше привирает.

– Улыбка! – продолжил Алик. – Со сжатыми губами – сарказм. – Алик сжал губы и уставился в зеркало. – С закрытым ртом – фальшь. Похоже, вроде зубы болят. С открытым ртом и взгляд исподлобья – кокетство.

Алик широко открыл рот, улыбнулся, наклонил голову и взглянул исподлобья. Черт! Какая идиотская рожа!

– Усмешка Джорджа Буша... Это как? Полуоткрытый рот, то есть кажется, что он все время усмехается. Да-а-а, недаром говорят – смех без причины...

Алик бормотал, гримасничал и рассматривал себя в зеркало. Изучение языка жестов и мимики оказалось увлекательным занятием, хотя с автором можно поспорить. В качестве

примера взят среднестатистический обыватель, а умение, допустим, врать зависит от того же интеллекта, кругозора и даже образования. Врущего дурака сразу видно, а вот если врет интеллигент, скажем, адвокат или неглупый лжесвидетель... Черта с два определишь! Конечно, расширение зрачков, произвольные подергивания и судороги от образования не зависят, но с другой стороны, а вдруг у него нервный тик? Чист как правда, а глаз дергается? Вопрос.

– Как понять, что индивидуум врет? – громко прочитал Алик.

В смысле – мимика лжи. Если он врет, то меняется голос – срывается на писк и дает петуха или заикается и краснеет. Алик задумался. Разве что начинающий враль. Опытный не заикнется, как же. Взять мою вторую... Пела, как по нотам! Еще бегающий взгляд. Он выпучил глаза и посмотрел по очереди вправо и влево, одновременно косясь в зеркало.

– Ну... с этим я готов, пожалуй, согласиться, с натяжкой, хотя вид как у психа. Поехали дальше. Неуместная улыбка... В смысле произвольная? Тень, пробегающая по лицу... Это как? Что значит тень, пробегающая по лицу?

Он тряхнул головой, высунул язык и свел глаза к переносице. Ужас!

А вот еще феномен – каменное лицо. Как говорят, врет с каменным лицом и не краснеет. Алик сжал челюсти и уставился на себя в зеркало, раздул ноздри и отчеканил страшным голосом:

– Я пришелец с Марса! Моя летающая тарелка потерпела крушение в Ладанке триста пятьдесят шесть лет назад!

Шibaев, уже некоторое время с интересом наблюдавший за Аликом с порога спальни, сказал:

– Знаешь, Дрючин, я давно подозревал, что ты пришелец.

Алик пискнул от неожиданности.

– Ты... Я думал, ты спишь!

– Не спится. Изучаешь мимику? На себе? Ну-ка, ну-ка... – Он уселся в кресло. – Можешь продолжать, Дрючин. Хочешь, я буду вместо зеркала? Что там дальше? Как распознать врущего пришельца?

– Дрожание губ, частое моргание, покраснение покровов, прикрывание рта рукой, дерганье себя за нос...

Шibaев сделал идиотское лицо и часто заморгал. Потом вдруг задумался, уставившись в пол, и сказал после паузы:

– А ведь Эмма соврала!

– Соврала? В чем?

– В чем, не знаю. Она прикрыла рот рукой, а потом потерла нос и ответила не сразу. Я спросил, не случилось ли с ней чего-нибудь странного в последнее время. Потеряла ключи, украли сумочку, подожгли почтовый ящик, звонили ночью и дышали в трубку. Она пожалала плечами, прикрыла рот и потерла нос. Отвела взгляд... Правда, это ни о чем не говорит, просто пыталась вспомнить. Хотя с другой стороны... На следующую встречу с клиенткой пойдем вместе, Дрючин, ты ее мигом раскусишь.

Алик, прищурившись, пытался определить, издевается Шibaев или серьезно. Рот не прикрывает, нос не трет, воротник рубашки не поправляет, правда, он в футболке.

– Ты думаешь? – спросил наконец. – У них же все по-другому. Моя бывшая, вторая по счету, когда врала, смотрела прямо в глаза, лицо честное-пречестное, руку прижимает к сердцу – и врет! Как по нотам. Даже слезы в глазах. Лично я, когда хочу что-нибудь вспомнить, тру нос. И смотрю в потолок. Ты, кстати, тоже. Даже дергаешь себя за нос и при этом уставляешься в пространство, как будто увидел привидение.

– Не замечал. Еще у нее дрогнул голос и как будто охрип. Нет, говорит, а в глаза не смотрит. Точно, соврала. И бретельку все время поправляла.

– Трудно сказать, – осторожно заметил Алик. – А с бретелькой... Может, обычное женское кокетство? Наливает тебе кофе, наклоняется, чтобы бюст наружу, облизывается, просит нарезать хлеб... и бретельку тебе под нос. Классика. Кофе не хочешь?

– Можно. Сиди, я сам. – Шibaев поднялся и пошел в кухню. – Тебе сколько сахара? – закричал оттуда.

– Четыре ложки! В буфете сухарики, захвати! Кушать не хочешь?

– А что у нас?

– Есть колбаса и икра. Я не буду на ночь. И так плохо сплю.

– Откуда у нас икра?

– Я стушил, из баклажанов.

– Так чего ж ты молчишь! – обрадовался Шibaев. – Заханырил?

– Просто забыл.

– Кушать подано! – закричал Шibaев через пять минут. – Прошу к столу!

Алик побежал на кухню. Шibaев устался на физиономию друга и сказал:

– Уши оттопырились, рот открыт, глаза выпучены. Не иначе – радость. Садись, Дрючин, приятного аппетита.

– У нормальных людей второй завтрак, а у нас второй ужин, – заметил адвокат, усаживаясь...

Глава 6

Дождливая ночь

*...жизнь – игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы...*

Семен Надсон. «Идеал»

Около полуночи пошел дождь. Сначала робкий, он шуршал в траве и листьях; потом полило сильнее – затарабанило в асфальт и в припаркованные около «Английского клуба» автомобили. На лужах вздувались пузыри, свет фонарей стал рассеянным, они стали похожи на колючие звезды. Дождь был теплый, и оттого казалось, что он какой-то бутафорский, несерьезный.

Мужчина открыл дверцу машины, уселся и задумался, не торопясь включать двигатель. Дождь с силой стучал в стекло. Улица была пуста. Величественный швейцар распахнул высокую дверь, и из сверкающего огнями холла вышла женщина в красном платье и белом плаще, накинутом на плечи. Стала под навесом, вынула из сумочки крошечный зонтик. Машина, где сидел мужчина, включила фары. Женщина, раскрыв зонтик, бросилась из-под навеса к машине, постучала ногтями по стеклу. Мужчина перегнулся через пассажирское сиденье, дотянулся до дверцы.

– Извините, не подбросите до Пушкина? – голос у нее был хриловатый.

– Садитесь. Такая женщина не должна мокнуть под дождем. Я видел вас в зале...

– Спасибо. Пришли поужинать и... Всегда одно и то же. А еще говорят, что скандалистки женщины! Ну и... вот! – она посмотрела на мужчину. Он, в свою очередь, улыбаясь, смотрел на нее. Глаза в глаза. – А вы почему один? – спросила она, усаживаясь.

– Так получилось. Поехали?

Он прекрасно знал, что женщина солгала – сегодня она была в ресторане одна. Иначе его здесь не было бы. Что-то не задалось, и она уходит одна. Ему наконец повезло.

– Да, пожалуйста. Пушкина, тридцать.

– Домой?

– Домой. Настроение испорчено... Зла не хватает!

– Может, посидим где-нибудь? Не хочется домой...

Они смотрят друг на дружку. Приятный мужчина лет сорока с хвостиком, приятная улыбка, не похоже, что жлоб или нахал. Рассматривает ее с удовольствием. Женщина выпрямляется, словно случайно поддергивает платье – у нее красивые колени; улыбается и кивает; поправляет пышную белую гриву...

Капитана Астахова вырвал из сна пронзительный рев мобильного, он всхрапнул и проснулся. Рев продолжался. Капитан пошлепал ладонью по тумбочке, поймал мобильник и прижал к уху. Там бодро зачирикали.

– Понял. Буду. Жду.

Капитан, чертыхаясь, включил ночник; посмотрел на спящую Ирочку, в который раз подивившись крепким нервам подруги: хоть из пушки стреляй – спит как убитая. С сожалением подавил желание растолкать и отправить варить кофе. Не получится, труба зовет. Тут хоть бы успеть умыться...

Часы показывали четыре утра. Рассвет был тусклый и промозглый; ночной ливень превратился в беспросветную густую морось, затруднявшую дыхание. Но уже поднимался ветерок и пошумливали деревья – значит, есть надежда, что к утру разгонит тучи. Все лето прошло в дождях, правда, в середине сентября природа вдруг спохватилась и вернула солнце и жару... Последние беззаботные деньки. Ненадолго, как оказалось. Достала уже эта вода! Собирались на Магистерское озеро мужской компанией, костерок, вмазать на свежем воздухе, посидеть с удочкой... Рыбу, правда, надо купить в соседней деревне. Ночевка в спальниках... Эх, романтика! Да как тут выберешься, если всю дорогу дождь!

Синий джип влетел во двор и с визгом затормозил у подъезда. Капитан погрузился, и джип рванул с места.

– Всем доброе утро, – поздоровался капитан. – Что у нас?

– В речном порту утонула машина, – сказал судмед Лисица, бодрый и неизменно пребывающий в самом прекрасном расположении духа. – Слетела с пирса. В три позвонил сторож и сообщил про аварию.

– По пьяни слетела? Они что, гонки там устраивали?

– Пока неизвестно. Должны подогнать подъемный кран, через час примерно, и водолазов. Пришлось перебудить полгорода.

– Чертова погода, – заметил капитан, ни к кому не обращаясь. Это значило: чэпэ в порту, адская рань, а тут еще и дождь. А все вместе – чертова погода. Ну хоть бы какой-то позитив!

– Вроде развиднелось, – сказал Лисица, известный своим оптимизмом. – Кстати, это наш стажер Глеб. Прошу любить и жаловать.

Только сейчас капитан заметил в углу машины тощего очкарика. Он кивнул. Рука очкарика дернулась к виску отдать честь.

– Кофе будешь? – спросил Лисица. Он был чисто выбрит, и от него приятно пахло – как всегда, впрочем. И кофе! Большой термос, на всю бригаду. И большой пакет с печеньем, причем собственной выпечки. Лисица – легенда, его все знают. Сказать, что он пример для подражания, значит, ничего не сказать. Хотя никто ему подражать не собирается, так как это просто невозможно. Сорок лет с одной женой, оптимист, никаких депрессий, всегда даст дельный совет, знает победителей в грядущем футбольном чемпионате и прекрасно готовит. На свой день рождения в июле собирает народ на даче... Тоже стоит посмотреть! Все цветет, плодоносит и пахнет. Коллеги по работе идут к Лисице неохотно – посещение дачи плохо отражается на их семейной жизни, сразу же начинается вынос мозга насчет разгильдяйства, лени, заросших огородов и вообще: а мама ведь говорила!

– Буду. Развиднелось... Хорошо бы, – буркнул капитан, устраиваясь поудобнее, принимая стаканчик кофе и закрывая глаза. Кофе от Лисицы хорош!

Они въехали в ворота речного порта, когда уже рассвело. Дождь прекратился, тучи не торопясь дрейфовали на запад. Порт был пуст – ни барж, ни пароходиков, так, пара прогулочных катеров. Мрачноватая громадина управленческого здания, наполовину сданная внаем грузовым компаниям и паре ресторанов.

На краю пирса стояли трое мужчин, смотрели на подъезжающий полицейский джип.

Водитель Сева тормознул, машина стала; они выбрались наружу. Мужчины представились: начальник порта, главный инженер и сторож, позвонивший в полицию. Машина нырнула с пирса в затон – видимо, на скорости, под углом; ее зад неясно просматривался в мутной зеленоватой воде. Капитан наклонился, пытаясь разглядеть номер. Сторож, старик в кителе, с винтовкой, сказал, что все было тихо, рестораны на территории гуляли до двух, потом стали разъезжаться, а этот заехал, может, в полтретьего...

– Вы видели, как он выехал на пирс? – спросил капитан.

– Не видел я его, как раз пошел к себе чайку сделать... Холодно, дождь... Да тут и красть-то нечего! А потом слышу – вроде как удар, и сирена включилась. Я выскочил, смотрю, глазам

своим не верю – волны в затоне ходуном, аж на пирс выплескиваются! Я туда – а там машина! Упала! И фары горят! Сирена уже молчала, правда. У меня сразу сердце схватило...

– То есть вы не видели, как она падала?

– Не видел. Говорю ж, чай пил, для сугреву... – От сторожа несло перегаром, одним чаем не обошлось, видимо.

– Когда это было, помните?

– Я на часы не сразу посмотрел, прямо охренел с перепугу, стою, глазам своим не верю, да что ж, думаю, за... это самое! Минут десять прошло, я думал, люди выплывут, бегал, смотрел... Почти три было, два пятьдесят. Я сразу кинулся вам звонить...

– То есть здесь никого не было?

– Не было. Никого не видел. Пусто. Ночь, да и потом, мы далеко, из города просто так не доберешься... И дождь. Фонари горят, видно кругом... Не, никого не было, точно!

– Ворота были открыты?

– Они всегда открыты. Когда-то был пост, а теперь нагрузка меньше стала, так сняли. Экономия, говорят.

– Я приказал закрывать, – подал голос начальник порта, толстый одышливый мужчина. – Почему не выполняете?

– Так не успел, говорю ж! Только к двум разъехались из ресторанов, как гулянка кончилась, так и поперли, потому и не закрыл. Крик стоял до начала третьего. Я смотрел, чтоб не врезались, а потом пошел чайку сообразить... А тут он! – Сторож махнул рукой на затон.

Мужчины смотрели в мутную воду затона.

– Ну и где кран? – недовольно спросил капитан.

– Так вон, уже едет! – Сторож потыкал рукой в арку-въезд.

...Водолазов было двое. Один за другим они исчезли в нечистой воде, таща за собой металлический трос. На поверхности забулькало – казалось, вода закипела. Они стояли и смотрели, как разматывается бухта, и трос, скрежеща по бетонному покрытию пирса, опускается в воду. Сторож перекрестился.

...Машину словно выдернули из чьих-то цепких лап, и она, устроив небольшое цунами, зависла над поверхностью затона. Из разбитых окон с ревом рванулась наружу вода; дверца со стороны водителя мотнулась в сторону и повисла, напоминая вывихнутую руку; нос со смятым капотом и разбитыми фарами был испачкан илом. С грохотом приземлили помятый механизм на твердую почву; зрители подошли ближе...

В машине был человек. Женщина. В красном платье. На пассажирском сиденье. Водительское место было пусто.

– Выпал, – сказал начальник порта. – Не иначе как выпал. Надо искать.

Водолазы работали еще около часа, но тело водителя найдено не было.

– Тягун... – пробормотал сторож. – Могло вынести на стремнину.

– Не, воды мало, – возразил один из водолазов, – течения почти нет, вот в половодье – тогда да, а сейчас нету. Не похоже, что там был еще кто...

Труп пассажирки вытащили из машины и положили на асфальт. Это, как уже упоминалось, была молодая светловолосая женщина в красном вечернем платье с блестками по вороту. Лицо ее было разбито, видимо, от удара о приборный щиток, широко раскрытые голубые глаза смотрели в небо. На шее – продолговатый синяк от впившегося ремня безопасности. Лисица, усевшись на корточки, внимательно ее рассматривал. Картина вызывала озноб и желание отвернуться...

Вещи – сумочка, белый плащ и туфли – лежали поодаль от тела хозяйки. Капитан открыл сумочку: паспорт, мобильный телефон, ключи, косметичка, кошелек с небольшой суммой, сигареты и вскрытый конверт...

Погибшая, Лидия Владимировна Мороз, тридцати четырех лет от роду, не замужем, проживала, судя по адресу на конверте, по улице Пушкина, тридцать, в пятнадцатой квартире. Машина, черный «БМВ», была зарегистрирована на Белецкого Игоря Семеновича, проживающего на проспекте Мира, двадцать, в квартире двенадцать.

...Улица Пушкина находилась в спальном районе; Лидия Владимировна Мороз снимала жилье около полугода, как показала квартирная хозяйка, ахающая суетливая тетка. Девушка приехала из глухой провинции завоевывать город. Скорее всего, из искательниц приключений, как подумалось капитану; вряд ли работала, но платила исправно. Квартирная хозяйка отперла им дверь. Скромная двушка, безликая, ничего не говорящая о жившей здесь женщине. Порядок, пустота, ни безделушки, ни брошенного шарфика или тапочек. Нет, тапочки были – аккуратно задвинутые под вешалку, красные, маленькие, в цветочек. Впрочем, были еще одежда и обувь. Немного, но хорошего качества, недешевая. Капитан вспомнил золотые украшения, дорогую сумочку... Видимо, она неплохо зарабатывала.

Его внимание привлекла цветная фотография на прикроватной тумбочке. Лидия Мороз с молодой женщиной, сестрой или подругой, за столиком кафе. Белые брюки, топы на бретельках; желтый песок пляжа, синее море...

– Лида хорошая была, скромная, платила вовремя, – бубнила хозяйка.

– У нее были друзья? – спросил капитан. – Мужчины?

– Не знаю, свечку не держала, – поджала губы женщина. – Все было тихо, пристойно. Может, и приходили, девушка молодая, неженатая, но без гулянок. Я ей сразу сказала: никаких гулянок, мне неприятности не надо. И деньги за два месяца вперед.

– Она где-то работала?

– Откуда я знаю? Не знаю я ничего. Может, и работала, кто их сейчас разберет. Я не спрашивала, она не говорила. Девушка красивая, свободная, не в монастыре.

– У нее есть семья?

– Она не из нашего города, откуда-то из райцентра. Точно не знаю. Про семью она не говорила.

Она была неприятна капитану, эта тетка, озабоченная, как бы чего не подумали, больше, чем смертью постоялицы.

Еще несколько фотографий в ящике тумбочки в спальне: с той же молодой женщиной, с женщиной постарше; с молодым человеком. На обороте даты. Все.

Мобильный телефон жертвы после нескольких часов в воде восстановлению не подлежал...

...Девушка с фотографии оказалась старшей сестрой Лидии Мороз, Еленой, а пожилая женщина – их теткой. Елена плакала и все повторяла: как же так, ведь Лидочка писала, что все у нее хорошо, нашла работу, администратор в гостинице, хорошо платят... Как же так? О знакомых сестры она ничего не знала.

Ни в одной из городских гостиниц Лидия Мороз среди персонала не числилась...

Глава 7

Мститель-2

Посещение кладбища, похоже, вошло у него в привычку. Его тянуло туда. Он даже иногда разговаривал с теми, кто там лежал. Считается, что убийца тянет на место преступления... Оказывается, правда. Только не на место преступления, а к жертвам. Что он испытывал, сидя на скамейке у могильного холма? Он ненавидел их даже сейчас. Ненависть не ушла. Никакого раскаяния. Они заслужили смерть. И рано или поздно они утянут за собой всех. Возможно, и его самого. Скорее всего, так и будет. Сила действия, сила противодействия, сила возмездия... Он усмехнулся, подумав, что они поджидают его... там. Собрались вместе, перезнакомились и ждут. Последний приют, степь, трава, птицы. Вечный покой.

Легкий ветерок шевелил траурные ленты, жестко шуршали бумажные цветы. Цвиринькала какая-то пичуга. Пахло сухой травой. Паутинка бабьего лета упала ему на лицо.

– Вы здесь? – произнес он вслух, убирая и рассматривая паутинку. Говорят, никто не знает, что это такое, живое или мертвое. Знак, послание, предупреждение... А может, приглашение куда-то? На эшафот.

Он чувствовал томление и тоску. Так бывает, когда кто-то ходит по твоей могиле. Он прикинул, где полагат его, когда придет его час... Где-то неподалеку, ближе к пустырю. Час еще не пришел. Дьявольское варево еще не готово, пенится, булькает, испускает смрад. Он все рассчитал. Он расставил сети, он гонит зверя. Зверь бежит в ловушку. Еще немного – и яркий свет прожектора ударит ему в лицо... В мерзкую морду. Он сжимает кулаки. Еще немного. Он устал. Когда все закончится, он исчезнет. Необязательно уходить насовсем, достаточно просто уйти. Купить билет на самолет и улететь. Пустырь подождет, на пустыре много места. Не к спеху. К морю-океану... Теплое всепрощающее море, пахнущее водорослями, шорох волн, накатывающих на песок. Перпетуум-мобиле, вечное движение. Вечность... Что мы, кратковременные, знаем о вечности?

Он вдруг вспомнил эту женщину, подругу Варги. При живой жене. Ее зовут Эмма Короткевич, вспомнил он. В бирюзовом сарафане и золотых сандалиях, неудачливая в бизнесе. Как удивительно, что они пересеклись. Свидетельница. Получается, что кто-то там, наверху, представляет и перемешивает человеческие фигурки, то ли случайно сталкивая их лбами, то ли с тайным умыслом. Какой-то древний философ сказал, что боги играют людьми, как мячами. Мститель усмехнулся – он тоже играет людьми, как мячами...

Этой женщины не было на похоронах Варги... Почему? А как же любовь? Нехорошо. Постеснялась жены и дочери любовника? Придет позже, когда любимый останется один? Посидит рядом, поговорит, поплачет? Принесет цветы?

Интересно, знала ли она о подлом и тайном его бизнесе? Если не знала, то рано или поздно сообразит, за что поплатился бойфренд. И что тогда? Побежит в полицию? Наймет телохранителя? Уедет? Эта парочка сама нарвалась... Ну что ж. Побочный эффект, возникающий при реализации всякого плана. Это закономерно, это поправимо, главное – не тянуть, исправлять сразу. У него есть ее адрес, он знает, по каким улицам она ходит на работу и домой, он шел за ней уже несколько раз. Она чуткая, что-то чувствует. Ускоряет шаг, оглядывается, заскакивает за угол и ждет, кто пройдет, рассматривает в витринах улицу позади себя. Он понимал, что она готова запаниковать. Видел, как в магазине она налетела на какого-то типа и вскрикнула, а потом долго оглядывалась.

Любая потенциальная опасность должна быть устранена, пока он не завершит то, что задумал. Эмма Короткевич – потенциальная опасность, а посему – чем раньше, тем лучше. Его

руки должны быть свободны для той задачи, которую он себе поставил. Загонщик, направляющий зверя в ловушку. Беги, зверь!

Эмма Короткевич, подруга безвременно погибшего Варги. Которой тот мог рассказать о том, что задумал. Еще одна потенциальная случайная жертва, так неосторожно выглянувшая в окно в неурочное время. Жаль, конечно, но – а ля гер ком а ля гер. Ничего не поделаешь.

*Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды*². «Обдумал, – сказал он себе, – и пути мои будут тверды. Есть тверды».

Но, как ни странно, достать эту женщину оказалось сложным делом. Он знал о ней все. Одинока, не очень удачлива в бизнесе, любит яркую одежду, носит золотые сандалии, яркий макияж и малиновые ногти. Обычная, не очень счастливая, суетливая, бегущая по жизни, в меру бестолковая женщина без особой цели. Только такая могла спутаться с нечистым на руку мелким жуликом.

Он никогда не думал, что влезать в жизнь чужого человека, оставаясь невидимкой, такое увлекательное занятие. Есть люди, подглядывающие в окна... Когда-то он читал роман, где герой часами торчал под окнами, наблюдая чужую жизнь. Хобби такое у него было. Причем без всякого сексуального подтекста. Это был бедный одинокий неудачник, проживающий жизни тех, за кем наблюдал. Супруги, дети, елка, семейные обеды, гости. Он целовал супругу и детей, дарил им подарки, сидел во главе семейного стола и говорил тост. Мысленно он был среди них. Роман оставил неприятный привкус, Мститель не посочувствовал и не оправдал героя, которому сочувствовал автор. Тот был жалок и вызывал чувство гадливости. А сейчас он сам в роли такого же соглядатая. Вынужденно. Но, как ни странно, в этом была своя прелесть. Эта женщина явно что-то чувствовала: бежала по улице, часто оглядываясь, стояла за углом, поджидая преследователя, и он внутренне усмехался, чувствуя себя невидимкой, предвидя все ее шаги... Вот сейчас она оглянется! Он отступал за угол, исчезал, растворялся в толпе. Он свыкся с ней, он читал ее как книгу...

Иногда он говорил себе, что не нужно размениваться по пустякам. Если она до сих пор ничего не предприняла, то нужно оставить ее в покое – пусть живет. Варга был мелким и подлым пакостником, а в ней не чувствуется ни подлости, ни пакостности, она не станет его шантажировать, кишка тонка. Тем более у него есть более значимые задачи. Он Мститель, а ей не за что мстить. Пусть идет с миром...

Он рассматривал ее лицо, когда она покупала что-нибудь, внимательно рассматривала, откладывала, брала снова, в ее лице были неуверенность и вдохновение. А ведь речь шла всего-навсего о какой-то ерунде – недорогой тряпке или пучке зелени. Ее легко испугать, и она как страус прячет голову в песок. Она не станет его шантажировать... Вряд ли. Но она *знает*... Не может не знать о том, что затеял Варга, и после его гибели сложить два и два для нее – вопрос времени. Хотя, может, и не знает. Варга действовал самостоятельно. Если она угроза, то потенциальная, как мина, пролежавшая в земле полсотни лет. Отсырела, заржавела. Но все еще может рвануть.

Тебе не нужны неожиданности, сказал он себе. Тебе не нужны шаги и дыхание за спиной. Прокальваются на мелочах. Твое кредо: делай до конца. А ты, убрав Варгу, сделал наполовину.

Жаль. Очень жаль...

...Он ожидал ее во дворе, он все рассчитал. Но она вернулась с подругой, и та осталась у нее ночевать. Он не придал особого значения неудаче, бывают сбои, никуда не денешься. Во второй раз он поджидал ее около салона на Чешской, и снова облом. На улице появился какой-то подвыпивший хмырь, искавший туалет, по-видимому, и она рванула оттуда со всех ног. Он подумал, что она чувствует опасность... Как кошка.

---

² Библия. Притчи 4:26

Он решил дождаться ее дома. Открыл дверь тонкой металлической полоской, как делал еще мальчишкой, потеряв ключи. Дверь была хлипкой, не по теперешним временам. Он входил в ее квартиру, когда заскрежетал замок соседской двери, и он поспешно нырнул внутрь, не будучи уверенным, что его не заметили.

Он с любопытством походил по ее дому, заглянул в ящики серванта, посидел на диване. Квартира ему понравилась – светлая, даже радостная, желто-зеленая гостиная и голубая спальня. Он открыл шкаф, невольно усмехнувшись: пестрые одежки, бирюзовые, розовые, голубые, белые, были... он задумался на миг – радостными! И бижутерия в шкатулке на трюмо тоже была радостной. Он вытащил нитку копеечного розового жемчуга с вычурной застежкой... Поднял взгляд – и вздрогнул, увидев в зеркале незнакомого человека. Он смотрел ему прямо в глаза, взгляд был настороженный, словно человек прислушивался. В чужой спальне с ниткой розового жемчуга в руке. Что ты здесь делаешь, спросил он себя. В чужом доме. В доме незнакомой женщины. Тебя не звали, уходи. Ты не хочешь причинять ей вред. Пусть живет в своем бирюзовом небогатом мире. Уходи. Тем более... Тем более тебя могли увидеть, когда ты входил в ее дом. Тем более она побочный продукт... Всего-навсего.

Значит, не судьба. Соседи могли тебя увидеть, а тебе не нужны свидетели. Уходи.

И он ушел, полный сомнений. Он не любил менять планы. Ему было легче, когда все четко спланировано и идет без отклонений. В русле. Эта женщина, Эмма Короткевич... Это снова случилось, в третий раз, и тут уж впору задуматься. Что-то здесь не так. Она выскальзывала из рук, никоим образом не подозревая о его существовании. Ангел-хранитель, не иначе. Ладно, сказал он себе, поставим ситуацию на паузу. Решение придет, не может не прийти. Время терпит. Пока...

Глава 8

Ши-Бон и дамский коллектив. Новые впечатления

*Современная женщина,
Современная женщина!
Суетою замотана,
Но, как прежде,
божественна!*

Д. Ратгауз. «Современная женщина»

Шибаев постоял на улице, рассматривая витрину салона «Эмма». Там были три пластиковых женских головы в париках – белом, рыжем и черном – и разбросанные в художественном беспорядке выгоревшие коробочки-упаковки всякого косметического товара. Над витриной на длинной пике висела вывеска в виде щита: готический шрифт и еще одна женская головка, но уже рисунок, с высокой старинной прической. Слегка потускневшая, слегка поскрипывающая, очень наивная.

Звякнул колокольчик, и Шибаев переступил порог заведения Эммы. Зал был пуст, он был единственным клиентом. Девушки сидели на узком диванчике и разговаривали. Полная, очень немолодая женщина, видимо, баба Аня, молодая тощенькая носатенькая с белыми волосами... Кристина! – вспомнил Шибаев. Третьей была Эмма. В углу возилась девочка со шваброй. Бормотал телевизор, шел турецкий сериал. Все трое замолчали и повернулись к нему. Причем Эмма вспыхнула и сделала вид, что они незнакомы.

– Мне постричься, – сказал Шибаев. – Добрый день. Можно?

– Можно! – Кристина махнула на кресло у окна и встала. – Садитесь. Что делаем? Можно убрать височки и оставить наверху, сейчас самый шик. Годится? Или хотите выбрать в журнале?

– Мне бы как есть, но покороче, – сказал Шибаев.

– Мыть будем? – деловито спросила девушка.

– Можно.

– Сюда, пожалуйста.

Баба Аня и Эмма наблюдали. Шибаев уселся в кресло. Кристина надела на него пелерину и открутила воду. Под взглядами сидевших на диване бабы Ани и Эммы Шибаев чувствовал себя неуютно. К счастью, снова звякнул колокольчик, и на пороге появился новый клиент – молодой парень. К Кристине. Покрасить и постричь.

– Виталик, подожди, – сказала Кристина. – Не спешишь?

– Ваш клиент? – спросил Шибаев.

– Ага. У нас летом тихо, все в отпусках. Ходят свои в основном. Не горячо?

– Нормально. Вас тут трое работает?

– Трое мастеров и Зоя на маникюре. Сегодня выходная. Вы вроде у нас еще не были, да?

– Не был. Меня друг отправил, адвокат, говорит, был, обслужили замечательно. Женщина в возрасте, Анна... не помню отчества, верно?

– Верно. Анна Савельевна, наша заслуженная пенсионерка, – Кристина кивнула в сторону дивана. – Вон, сидит с хозяйкой.

– Это ваша хозяйка?

– Ну. Эмма. А как зовут вашего друга? У нас постоянный контингент.

– Алик. Он попал к вам случайно, могли не запомнить.

– Пусть приходит, всегда рады.

И так далее, и тому подобное. Беседа ни о чем. Баба Аня и Эмма негромко переговаривались, не глядя на Шибаяева, а он украдкой рассматривал их в зеркало. Эмма была в голубом платье и бирюзовых бусах. В ушах тоже бирюза – длинные, до плеч, шарики на цепочке, они раскачивались маятниками. Несколько раз они встречались взглядами, и Эмма, вспыхнув, отводила глаза.

Зазвенел телефон. Девочка отставила швабру и бросилась к столу; сказала официально:

– Я вас слушаю! – Подтянула к себе журнал. – Да, можно. Эмма Владимировна сегодня до шести. Не получится? Тогда на завтра. Хорошо, записываю.

Шибаяев насторожился. Тот тип может прийти сюда... Хотя вряд ли. Эмма видела его и запомнила. А его ли? Мало ли на кого она могла налететь? Не обязательно он. Ладно, сегодня попытаемся его увидеть...

Он вздохнул. Его не покидало чувство, что он играет в какие-то детские игры, притворяясь и делая вид, что воспринимает их серьезно. Одинокая женщина вообразила себе... Алик сказал бы... Как он любит говорить? По Фрейду. Не хватает мужского внимания и гормонов, вот и мерещатся мужики. Бизнес никакой, похоже, едва сводит концы с концами, рейдерство... Вряд ли. Заведение неперспективное, в глухом закутке, ходят невзыскательные постоянные клиенты и пенсионеры – вон на двери листок с надписью от руки: «Пенсионерам скидка». Он снова подумал о поклоннике. Если он существует, то вполне. Эмма – женщина видная. Он покосился на хозяйку, и они снова встретились взглядами. С другой стороны, поклонники так себя не ведут. Давно подошел бы, познакомился. А может, робкий? Стесняется? А может, из тех, кто подглядывает? Будет таскаться следом и дежурить под окнами. И вламываться в квартиру в отсутствие хозяйки. А ключ? У соседки... – он покосился на девочку со шваброй. – У налогового... Интересно, вернул? Эмма сказала, что ключ ему не давала, а что на самом деле, поди знай. Алик считает, что прекрасный пол врет просто так, без всякой выгоды и умысла, поскольку запрограммирован на постоянное украшательство, а что такое вранье, как не попытка приукрасить действительность? Хотя зачем ключ? Такую дверь открыть – пара пустяков. Пилкой для ногтей, надо же! Интересно, о чем она думает? А потом кошмары по ночам.

– Она у нас, между прочим, холостячка, – шепнула Кристина. Шибаяев вздрогнул, чертыхнулся мысленно – физиономистка! – Муж сбежал за границу, детей нет. Бьется с бизнесом... Господи, ну какой бизнес! Одно название. Я ей давно говорю: да продай ты его и иди мастером... Да куда угодно! А на бабки живи припеваючи. А она не хочет... Как Миша уехал... это муж, она сама не своя стала, дерганая, перепуганная. Миша всю бухгалтерию вел, счета оплачивал, а тут самой надо крутиться. На нее недавно наехал один, не вылезал от нас, все проверял, настырный такой, корчил из себя крутого. Слава богу, отстал.

– Да, бывает... – промямлил Шибаяев.

– Готово! – объявила Кристина, сдергивая с него пелерину. – Красота! Нравится?

Из зеркала на Шибаяева смотрел прилизанный пижон-отличник, странно блондинистый. Непривычно, но Алику понравится. Сразу стало видно, что футболка не того-с, под такую голову нужна непременно черная, с красивой готической надписью, неважно какой. Можно с крутым байком или тачкой. И толстая цепочка. Или несколько. И что-нибудь в ухе – серьга или заклепки.

– Спасибо, Кристина, – он провел по голове рукой, вспомнив «колючее» ощущение детства. – Нравится.

– Хотите кофе? – вдруг спросила Эмма.

– Кофе с меня, – сказал Шибаяев. – И что-нибудь сладкое... Вашу помощницу можно попросить?

– Можно! – обрадовалась девчушка. – Я на рынок! – Она выхватила у Шibaева деньги и выскочила из зала.

– Ишь, торопыга! – сказала баба Аня. – Скучает тут с нами. И то, разве это работа для молодой девчонки?

– Интересно, а что она умеет? – отозвалась Кристина. – Пусть учится, а то так и будет всю жизнь с тряпкой.

– Леночка умненькая, – возразила Эмма и откашлялась. – Хорошо учится, хочет поступать на модельера. – Она снова взглянула на Шibaева.

– Модельера? – удивилась баба Аня. – Так в ней росту никакого, они ж все дылды, прости господи!

– Не моделька, а модельер, шить любит, – фыркнула Кристина, управляясь с Виталиком – кутая его в пелерину. – Мне юбку сшила, не супер, конечно, но очень даже ничего.

Вернулась давешняя девчушка с пакетами; выгрузила на стол; побежала в подсобку ставить чайник.

Они пили растворимый кофе и ели свежайшие булочки с маком и пирожки с вишнями. Болтали ни о чем. Шibaев видел, что Эмму попустило. Она оживленно поддерживала разговор, покраснелась и охотно смеялась.

– Как вас зовут? – спросила вдруг баба Аня. – А то как харчиться, так запросто, а как спасибо сказать, так в кусты.

– Александр.

– Приходите и приводите вашего друга... Как его? Алика! Нам клиенты нужны, – сказала Кристина. – Эй, мне тоже оставьте! Полегче, девушки, не налегайте так.

Приятная дружеская обстановка...

* * *

...Лидия Владимировна Мороз, обнаруженная в утонувшем автомобиле, по заключению экспертизы была задушена, а не утонула, о чем говорили синяки на шее и сломанные шейные позвонки. Когда машина упала в затон, на пассажирском сиденье сидела уже мертвая женщина. Смерть наступила около часа ночи; никаких других повреждений на теле выявлено не было. Холодная вода затруднила определение точного времени гибели. Смерть наступила то ли в порту, то ли раньше. Скорее всего, раньше, так как машину на территории порта заметили бы. Убийца не хотел, чтобы его заметили. Он выскочил из машины, а она продолжала двигаться к краю пирса, пока не свалилась в воду и не затонула. Сцену затопления он вряд ли видел, так как спешил – ему нужно было немедленно покинуть территорию порта. Он не опасался, что женщина выплывет, и не пытался спасти ее – он знал, что она мертва. Убийца покинул порт пешком, через открытые ворота-арку, по-видимому, направился в сторону города. Там ему, скорее всего, пришлось остановить частника...

Это если его не смыло тягуном в реку. Могло быть и такое...

Хозяин черного «БМВ», Белецкий Игорь Семенович, весь вечер провел дома с супругой; машина, как оказалось, исчезла со стоянки во дворе поздним вечером или ночью, о чем он не имел ни малейшего понятия. Противоугонное устройство не сработало.

На левой руке погибшей Лидии Мороз был надет дешевый браслет из синих бусин с брелочком – крошечным Буддой белого металла. Браслет совершенно не сочетался с золотым кулоном с голубым сапфиром на шее жертвы.

Капитан Николай Астахов внимательно рассматривал два одинаковых браслета в пластиковых упаковках, лежащих перед ним на письменном столе: один из синих бус с крошечным металлическим Буддой на короткой цепочке, другой из желтых, с таким же крошечным Буддой. Синий браслет принадлежал погибшей только что Лидии Владимировне Мороз, желтый

– Полине Андреевне Сличенко, погибшей тремя месяцами ранее, двадцать седьмого июля, – женщина также была задушена. Он прекрасно помнил это дело: тело обнаружил в проходном дворе дворник, это случилось около шести утра; смерть от удушения наступила около двух часов ночи, никаких следов сексуального насилия или ограбления. Убийца не оставил никаких следов. Жертве было двадцать девять...

И что бы это значило, раздумывал капитан...

Глава 9

Лавка чудес

Убийства Лидии Мороз и Полины Сличенко никак не связывались. Если бы не способ убийства и не одинаковые браслеты. Оба на левой руке жертв – похоже, они были задушены в машине, и убийца надел им браслет на ту руку, что была ближе к нему. И никаких следов ограбления или насилия.

Полину Сличенко в шесть утра обнаружил дворник; по заключению экспертизы смерть наступила примерно в два ночи. Женщина задержалась на работе – нужно было, кровь из носу, закончить отчет. Вышла из банка в десять тридцать, как показал ночной охранник и зафиксировала наружная камера наблюдения. Куда она направилась, выйдя из банка, он не видел. Возможно, тормознула частника. Проходной двор, где спустя несколько часов было обнаружено ее тело, находится на противоположном конце города, в бесконечно унылом спальном районе. Были опрошены жители близлежащих домов, но свидетелей выявить не удалось. Никто ничего не видел и не слышал. Местный люд с наступлением темноты привык сидеть по своим норам.

Капитан листал страницы дела об убийстве... Помнил он это убийство.

Менеджер Мегабанка, двадцать девять лет, замужем, детей нет. На работе характеризовалась положительно, серьезный, вдумчивый сотрудник. Никаких порочащих связей... Во всяком случае, никто ничего такого за ней не замечал. Никаких следов ограбления. Вывернули наизнанку мужа, но у него было железное алиби. Браслет муж не опознал, он вообще никогда не обращал внимания на украшения жены – айтишник, на своей волне, что с него взять? Удивительно, что он вообще заметил отсутствие жены. Близкая подруга браслета никогда не видела, но заметила, что Полина любила золотые украшения, могла себе их позволить и очень странно, что вдруг стала носить подобную дешевку. Коллеги браслета тоже не припомнили. В итоге следствие зависло, у них не было ни единой зацепки. Кроме браслета, которого никто на жертве не видел. Ну и что? Мало ли что стукнет им в голову? Золото золотом, а тут вдруг потянуло на восточную экзотику. «Им» – в смысле женщинам.

Все ничего, если бы не вторая жертва с похожим браслетом. Лидия Мороз, тоже задушена, но не выброшена из машины в проходном дворе, как Полина Сличенко, а утоплена вместе с машиной в речном порту. Возможно, браслет – случайность и совпадение. Правильно, случайность и совпадение. Если следователь слепой, глухой и полный дурак. А если нет, то – след. Подруга Сличенко о браслете ничего не знает, более того, ее удивляет, что жертва носила такую дешевку. Откуда же он взялся? Подарок? Смешной, трогательный, недорогой... Надо бы еще раз поговорить с подругой... Как ее? Капитан заглянул в протокол допроса. Елена Савельевна Згурская; адрес и телефон в наличии. Подарок? Мороз тоже получила его в подарок? А где взял их убийца?

Ирочка, большой спец по тряпкам и бижутерии, сообщила, что такие браслеты продаются в магазинчике «Агра», где всякие штучки из Индии: украшения, платья из марлевки – просто шикарные! Еще фантастические шелковые батники, цыганские юбки и вышитые холщовые торбы и все такое. Стиль бохо. Что такое «бохо», Ирочка объяснила невнятно, и капитан ничего не понял. Просто все перемешано и много украшений, сказала. Но не только бохо, есть и нормальные платья. Она даже надела зеленое, расшитое шелком, из «Агры» и покрутилась перед Колей. И цена нормальная. Классный магазин!

Любящий порядок капитан не поленился и посмотрел в Интернете значение слова «бохо». Оказывается, сокращение от «богемный», то есть смесь хиппи, винтажа и цыганщины. Вот теперь понятно. Хотя что такое винтаж, капитан представлял с трудом. Хиппи и цыганщина – понятно, винтаж – не очень. На сайте были картинки, и капитан внимательно их рас-

смотрел. Действительно, все перемешано, все пестрое: шнуры, торбы, пояса, длинные широкие юбки, вышивки, платки, бусы и браслеты, косички. Аж в глазах рябит. Еще ковбойские сапоги и мужские шляпы. И сандалии-гладиаторы, усыпанные разноцветными камешками! Да уж, подумал капитан, который был страшно консервативен в вопросах моды... Гладиаторы, надо же!

По дороге домой он заглянул в «Агру». Магазин – громко сказано! Крошечная лавка, набитая колониальным товаром, с травяными циновками на полу. Удушливый запах благовоний – курящиеся палочки были воткнуты в каждую щель; тонкие сизые струйки колебались в воздухе. Коля уловил ароматы ванили и каких-то жженных трав или перьев. К счастью, на потолке крутился пропеллер с широкими лопастями, разгонявший дым. На прилавке, на специальных стендах с торчащими во все стороны «вешалками», висели сотни бус и браслетов; на стенах, от потолка и до полу, – сари, блузы и шали всех цветов радуги; по углам – медные тазы и тонкогорлые вазы; под прилавком – ящик, доверху набитый кожаными сандалиями; на полках – глиняные куклы в национальных одеждах и толстые улыбающиеся человечки в позе лотоса – Будды. Бронзовые, деревянные, эбонитовые, из полупрозрачного розового или зеленого камня. Взгляд капитана выхватил необычную фигурку человека со слоновьей головой.

Щедрое и пестрое царство Востока. И музыка – едва слышная заунывная мелодия, дудочки и треньканье струнных...

Не сразу заметил он темноволосую девушку в лиловом с золотом сари – изящная и небольшая, она напоминала статуэтку. На руках ее были надеты с десяток серебряных браслетов, на шее – бусы с массивными серебряными украшениями, очень старыми на вид. Позже оказалось, что браслеты были у девушки и на щиколотках – все это хозяйство звенело, когда она двигалась. Причем была она босая. Капитан уставился на ее маленькие ступни с лиловыми ногтями...

– Ищите что-нибудь особенное? – спросила она, и капитан очнулся. Она смотрела на него с улыбкой.

– Не ожидал, – искренне сказал капитан. – Чего тут только нет!

– Впервые у нас? – Она смотрела на него большими, щедро подведенными серыми глазами. – Наверное, нужен подарок?

– Скорее, ответ на вопрос, – опомнился капитан, разглядывая красную точку у нее на лбу. Он достал пластиковые пакеты, положил на прилавок. – Это ваш товар?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.